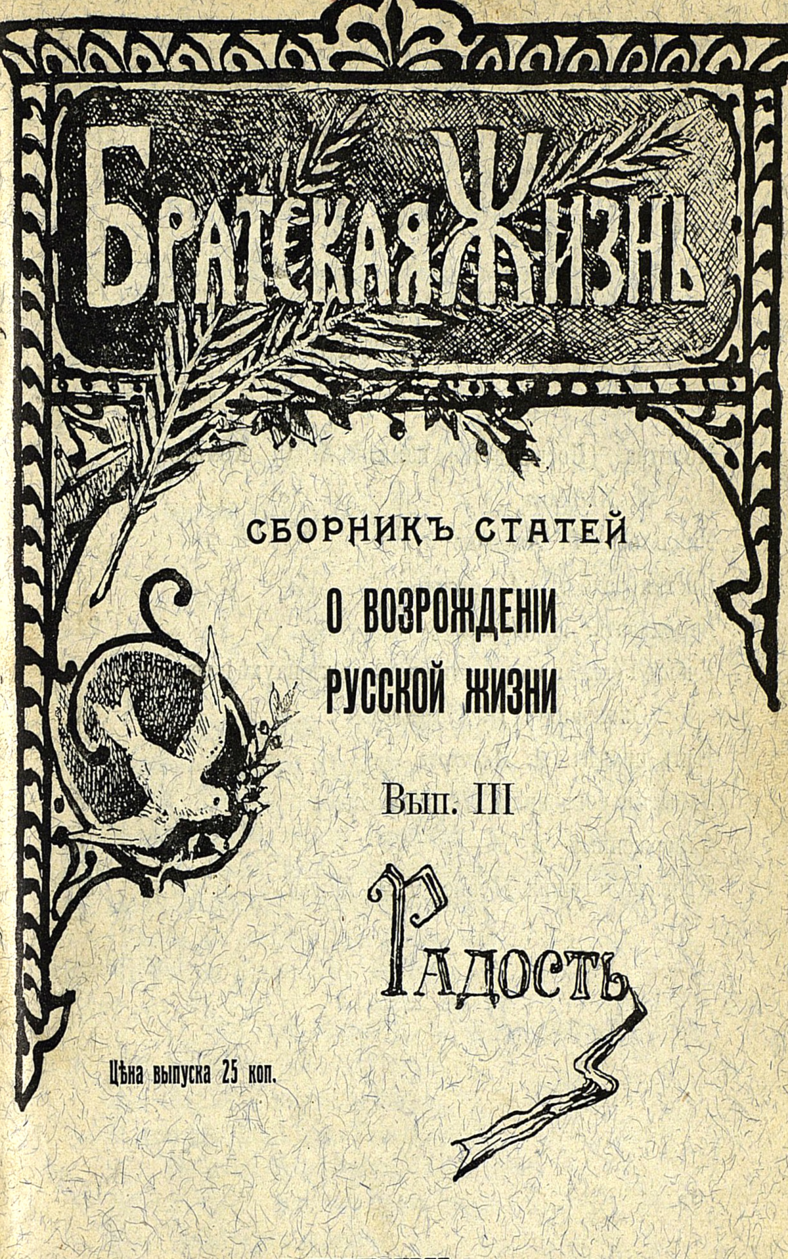

Братская Жизнь

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Вып. III

Радость

Цѣна выпуска 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.
1910.

Содержанiе.

БРАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Выпускъ III. **РАДОСТЬ.**

Молитва.

Посвящается памяти А. С. Хомякова.

Другіе трудились, а вы вошли въ трудъ ихъ... Кто не собираетъ со Мной, тотъ расточаетъ... Молите Господина Жатвы, да вышлетъ дѣлателей на ниву Свою... Сѣющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ. (Свят. Евангеліе).

Часъ пробилъ... Нивы побѣлѣли...
Готовъ богатый урожай...
А мы, Творецъ, — мы ослабѣли, —
Не презри насъ, не покидай!
И, если срокъ нашъ минулъ,—Боже,—
Коль дѣло наше свершено, —
Пошли на жатву кто моложе,
Чтобъ не осыпалось зерно!..

О, грозный часъ! Гдѣ мы трудились,
Гдѣ въ потѣ борозды вели, —
Жнецы незванные явились
И гонятъ насъ съ Твоей земли!
Не созидать, губить ихъ дѣло;
Не на добро ихъ буйный трудъ;
Увы, увы! Они плевела
Благому злаку предпочтутъ...

О, Боже силъ! Велишь-ли грому
На расточителей ниспасть?
О, воспретишь-ли дѣлу злому
Излить на міръ лихую власть?
Иль, попуская чуждой силѣ,
Ты свѣточъ, сродный небесамъ,
Очистишь въ бѣдахъ, какъ въ горнилѣ?
Тебѣ судить... Не намъ, не намъ...

Но, тяжекъ искусъ,—Боже Правый!—
Даруй намъ крѣпость не роптать,
Чтобъ кроткій духъ и не лукавый
Въ святую длань Твою предать!
Мы вѣримъ, Боже! — Минетъ время
И истощится темный срокъ,
И вновь придутъ Твой родъ и племя
Вершить неконченный урокъ!..

Мы вѣримъ, Боже!—Къ жатвамъ новымъ
Найдутся новые жнецы;—
Инымъ борцамъ, къ труду готовымъ,
Забрежжутъ подвига вѣнцы...
Ты звалъ насъ дѣлать трудъ бывалый!
Вручимъ же плугъ и серпъ инымъ,
Да въ силѣ духа невѣтшалой
Послужатъ пажитямъ Твоимъ!

Мы вѣримъ, Боже, волю злую
Разсвѣтъ великій устыдитъ,
И туча поросль молодую
Росой цѣлебной одождитъ,
И въ зоряхъ розовыхъ денницы
Начнутъ недремлющимъ вставать!..
И всѣмъ, — Отецъ, — Твоей пшеницы
Съ избыткомъ будетъ доставать!..

Федоръ Аксаковъ.

Умальтесь.

Аминь, глаголю вамъ: аще не обратитеся и не будете, какъ дѣти,—не внидете въ Царствіе Небесное... (Матѳ. XVIII, 3).

Пустыни знойными песками
Учитель шелъ съ учениками; —
Духовной силы полнота
Впередъ стопы Его стремила,
Но души спутниковъ Христа
Земная немощь посѣтила;
И, дальнимъ странствуя путемъ,
Одинъ допрашивалъ другого:
Какую пользу обрѣтемъ
Отъ благовѣстія Святого, —
Кто лучше всѣхъ, — кого изъ насъ
Господь излюбитъ въ судный часъ,—
Чей подвигъ въ большее зачтется,—
Кому первенствовать придется?..

И только путь ихъ конченъ былъ,—
Христосъ Апостоловъ спросилъ:
Друзья, о чемъ вы усомнились?
Они, безмолвные, смутились
Затѣмъ, что были суеты
Полны ихъ тайныя мечты.
И на Петра съ нѣмымъ укоромъ
Повелъ Учитель дивнымъ взоромъ,
И стыдъ объялъ ученика...

По злачнымъ пажитямъ рѣка
Струила токъ въ покоѣ строгомъ,
А на брегу ея отлогомъ
Убогихъ рыбарей дитя,
Съ волной сребристою шутя,
Игрѣ своей смѣялось звонко...

И кликнулъ Іисусъ ребенка
И предъ собой постановилъ,
И гладилъ кудри золотыя,
И на плеча его младыя
Привѣтно длани возложилъ;
Тѣ длани, коимъ надлежало
Исторгнуть лютой смерти жало
И аду заградить врата;
А кроткій агнецъ на Христа
Межъ тѣмъ блаженно любовался,
И сердцемъ въ Немъ позабывался,
И всей душой къ нему прильнулъ,
И яснымъ взоромъ потонулъ
Въ Его любвеобильномъ взорѣ,
Какъ искра въ лучезарномъ морѣ...

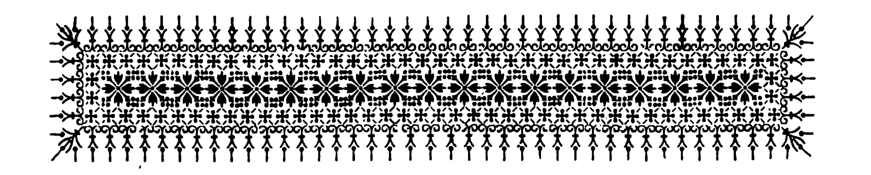
И молвилъ Іисусъ Петру:
Кто такъ изъ васъ готовъ къ добру,
Кто лучше этого дитяти
Доступенъ Вышней Благодати?
О, Симонъ, Симонъ, вѣрь и знай:
Лишь тѣмъ обѣщанъ свѣтлый рай,
Лишь тотъ о раѣ мыслить смѣетъ,
Кто малъ содѣлаться умѣетъ!
Не презирайте малыхъ сихъ,
Но сами надъ собой блюдите,
Да чистоты сердечной ихъ
Тщетой вседневной не скверните!
Для Истины отверстъ ихъ взглядъ;
Ихъ помыслы чисты и правы;
Ихъ Ангелы горѣ парятъ
И видятъ блескъ Предвѣчной Славы;
Блаженны дѣти, что они
Житейскимъ разумомъ невѣжды:
На нищихъ духомъ искони
Спасенья зиждутся надежды;

И вотъ, кто право дорожитъ
Наградой истинно благою, —
Да самъ себя уничижитъ,
Да будетъ младшему слугою!
Умальтесь, искренно презрѣвъ
Совѣтъ гордыни прихотливой!
Достойны: дѣлающій сѣвъ
И жнецъ, клонящійся надъ нивой; —
Кто просвѣтитъ ученика,
Кто просвѣтясь познаетъ Бога, —
Обоихъ радость велика
Въ лучахъ надзвѣзднаго Чертога;
А кто сихъ малыхъ учитъ злу,
Творя на Истину хулу, —
Увы тому, увы и горе,
Стократъ увы, — о, лучше-бъ онъ
Низринутъ былъ, обремененъ
Жерновнымъ камнемъ, въ бездну моря!..

Онъ говорилъ... Ученики,
Столпясь у берега рѣки,
Полны тревоги и печали,
Едва дыша Ему внимали;
Но косенъ былъ ихъ плотскій слухъ
И не дерзалъ смятенный духъ
Великимъ свѣтомъ просвѣтиться;
А Духомъ Истины креститься
Еще имъ время не пришло;

И солнце за горы зашло,
И палъ на землю сумракъ ночи; —
И мощной думою объятъ,
Благой Наставникъ въ стихшій градъ
Направилъ путь, потупивъ очи...

Федоръ Аксаковъ.

Чистая радость.

Ничто такъ не оклеветано, какъ жизнь человѣческая — жизнь въ этомъ дольнемъ мірѣ. Искать въ ней счастья и радости — безполезный трудъ, потерянное время, — твердятъ пессимисты всѣхъ вѣковъ. Это юдоль скорбей, печали и слезъ; и проблески радости, которые мы въ ней видимъ, по словамъ этихъ злосчастныхъ мыслителей,—одинъ лишь самообманъ.

Все въ жизни ложь, страданіе и зло, говорятъ и современные неудачники жизни, т. е. люди, не умѣвшіе, какъ должно, примѣнить своихъ силъ, направить жизнь по вѣрному пути, справиться съ внѣшними обстоятельствами и потому озлобленные, коихъ великое множество. А современная молодежь! Еще не вступивъ въ жизнь, она нерѣдко уже оказывается съ изношенными преждевременно сердцами, истрепанными нервами, и исчерпанными разными излишествами жизненными силами, такъ что, при первыхъ же неудачахъ въ своей практической дѣятельности, при первыхъ же преградахъ встрѣченныхъ на пути ея неуравновѣшенныхъ желаній, прямо клянетъ жизнь и готова отрицать даже самый смыслъ ея.

Не лучше, порой, относятся къ жизни и многіе утомленные ею старцы, и притомъ такіе, которыхъ нельзя уже назвать неудачниками.

„Еслибъ спросили насъ: желаемъ-ли мы вновь появиться на свѣтъ, то каждый, конечно, отвѣтилъ-бы, нѣтъ“,—слышалъ я недавно отъ одного высокопросвѣщеннаго дѣятеля, человѣка немолодого, щедро надѣленнаго жизненными дарами, но, очевидно, переутомленнаго.

Таковы нападки на жизнь человѣческую; и современная дѣйствительность какъ будто оправдываетъ ихъ. Непомѣрный ростъ страданій духовныхъ и физическихъ, тоска и скука, одолѣвающія за послѣдніе годы особенно сильно значительныя группы русскаго общества, разочарованіе, отсутствіе силъ для одолѣнія жизненныхъ недочетовъ, дѣйствительныхъ и воображаемыхъ, приводятъ многихъ къ такому состоянію отчаянія, которое въ концѣ концовъ разрѣшается психическими заболѣваніями и цѣлыми массами ежедневныхъ самоубійствъ людей всѣхъ возрастовъ и положеній. Нѣтъ основанія поэтому удивляться, что злобныя и негодующія нападки на жизнь человѣческую раздаются за послѣднее время особенно сильно.

Но куда же дѣвалась эта, многимъ изъ насъ съ молодыхъ лѣтъ знакомая и памятная, радость, куда ушла эта желанная спутница жизни? Вѣдь она же была среди насъ, вѣдь мы всѣ ее знаемъ и отрицать ея существованіе просто святотатство! Самое озлобленіе помянутыхъ нападокъ указываетъ уже на то, что всякій здоровый духовно-физическій организмъ человѣческій сознаетъ свое право на радости жизни, на бодрую и счастливую будущность. Не было-бы увѣренности въ этомъ правѣ на счастье и на его проявленія въ видѣ отдѣльныхъ радостей жизни, не могло-бы быть и протеста. Поэтому самый горькій пессимизмъ, самыя желчныя проявленія протеста противъ недочетовъ жизни свидѣтельствуютъ лишь о

нашемъ несомнѣнномъ правѣ на счастье и указываютъ на возможность радости и въ этой земной юдоли.

Стремленіе къ радости у большинства людей въ сущности является однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей всѣхъ поступковъ и начинаній. Человѣкъ заботливо и съ любовью строящій себѣ домъ, будь то простая хижина, крестьянскій дворъ или роскошная усадьба, надѣется не только предохранить себя и семью отъ холода и вьюги, т. е. удовлетворить одну изъ элементарныхъ потребностей тепла и защиты, но думаетъ и о радостяхъ семейной жизни, которыя онъ найдетъ въ новомъ жилищѣ, думаетъ и о тепломъ собственномъ гнѣздѣ, которое своей уютностью, удобствами или красотой будетъ долго согрѣвать и радовать его сердце. Земледѣлецъ, засѣвающій свое поле, надѣется тоже не только добыть необходимую пищу для себя и семьи, но и получить нѣкоторый излишекъ, который дастъ ему возможность улучшить и украсить свою жизнь какимъ-либо радушнымъ праздникомъ или иной какой-либо утѣхой. Такой преміи ожидаетъ каждый трудящійся; манящая радость и возможность впереди отраднаго отдыха, заставляютъ забывать, сопряженныя съ трудомъ, страданія и лишенія.

Всѣ мы ищемъ счастія и радостей; ищемъ ихъ жадно и желаемъ пользоваться ими возможно шире и полнѣе. Въ томъ или иномъ размѣрѣ они дѣйствительно необходимы для нашей жизни. Они необходимы во всѣ возрасты и при всѣхъ условіяхъ существованія. Нужны они безпечному ребенку, дѣлающему свои первые шаги, нужны юношѣ, готовящемуся къ дѣятельности, нужны погрузившемуся въ практическую жизнь зрѣлому мужу, нужны даже старцу, пока онъ не перешагнетъ порогъ вѣчности.

Ищутъ эту радость всѣ; и богачъ, живущій въ обширномъ дворцѣ, и бѣдный рабочій, ютящійся въ подвалѣ и даже заключенный въ одиночной камерѣ. И всѣ не только ищутъ, но даже непремѣнно и находятъ ее, хотя бы то была самая ничтожная крупица радости, такъ какъ безъ этой крупицы—жизнь невозможна. Богача радуетъ роскошный паркъ, толпа веселыхъ гостей или бесѣда съ другомъ передъ каминомъ въ удобномъ кабинетѣ; рабочаго—сытый праздничный обѣдъ въ семьѣ или кружка пива, распитая въ довѣрчивой бесѣдѣ съ товарищемъ; а узникъ несказанно радъ двумъ строчкамъ, написаннымъ карандашемъ дрожащею, любящею рукою, залетѣвшей ласточкѣ, лучу солнца или былинкѣ, выросшей въ трещинѣ рѣшетчатаго окна. Пока мы получаемъ отъ жизни хотя бы самую ничтожную долю радости и вѣримъ въ возможность ея расцвѣта въ будущемъ, — мы живемъ, и живемъ бодро, и терпѣливо переносимъ невзгоды жизни, но когда меркнутъ послѣдніе проблески радости, когда угасаетъ вѣра въ лучшее будущее здѣсь или за гробомъ—жизнь оказывается невозможной. Человѣкъ чахнетъ, падаетъ духомъ; чахотка, эта неизмѣнная спутница горя и тоски, коситъ его или же самъ онъ насильственно прекращаетъ свое существованіе. Записки, оставляемыя многими самоубійцами послѣдняго времени, ясно и точно указываютъ на то, что главная причина ихъ самовольнаго расчета съ жизнью именно та, что жизнь стала для нихъ безрадостна, безцѣльна и что она постыла имъ. Непомѣрное пьянство, развивающееся до запоя, тоже указываетъ на невозможность безрадостнаго существованія, на поиски хотя бы отравленнаго веселія и забвенія. Но, конечно, такія попытки ведутъ только къ еще большему упадку жизненныхъ силъ и къ той же преждевременной смерти.

Но, скажутъ намъ, уныніе и тоска, охватившія русское общество на всѣхъ его ступеняхъ и особенно сильно отражающіяся на нашихъ молодыхъ силахъ, являются лишь прямымъ слѣдствіемъ политическихъ разочарованій; чувство неудовлетворенности порождено бѣдностью русской жизни общественными интересами; къ тому же общество подавлено позоромъ безславной войны, гнетомъ полицейскаго строя, тяжелыми экономическими затрудненіями, продолжающими вызывать безработицу и общее обнищаніе населенія, — нѣтъ основанія поэтому удивляться, что жизнь, и безъ того полная личныхъ заботъ и затрудненій, становится наконецъ для многихъ прямо непосильной ношей. Но эти объясненія во многомъ невѣрны, преувеличены и поверхностны.

Народы переживали не разъ и болѣе тяжелыя минуты; но соціальные недочеты, экономическія и національныя невзгоды не вызывали наблюдаемаго нынѣ всеобщаго упадка духа, утери творческихъ способностей и паденія вѣры въ самую жизнь. Напротивъ, національныя несчастія, тяжелыя условія, въ которыя попадалъ какой-либо народъ, выдвигали большею частью изъ его среды въ такія минуты особенно даровитыхъ гражданъ, вызывали особыя проявленія жизненныхъ силъ и приливъ жизненной бодрости. Можно даже сказать, что человѣческая радость праздновала иногда свои лучшія побѣды именно въ самыя тяжелыя времена и среди наиболѣе тяжелыхъ затрудненій. Но, очевидно, чтобы испытывать радость среди затрудненій, чтобы сохранить спокойствіе духа въ минуты опасности, чтобы пѣть радостные гимны среди мученій, люди тогда имѣли побужденія и силы внутренняго порядка, которыхъ людямъ нашего времени безусловно недостаетъ.

Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что истин-

ныя причины общей неудовлетворенности жизнью, причины упадка духа и тоски, которую испытываютъ столь многіе среди современнаго русскаго общества, лежатъ гораздо глубже и коренятся болѣе въ насъ самихъ, чѣмъ во внѣшнихъ, окружающихъ насъ условіяхъ. Такая точка зрѣнія уже сама по себѣ вноситъ въ жизнь нашу бодрящее начало. Сваливая все на внѣшнія условія, мы лишаемъ себя надежды на скорое улучшеніе жизни. Внѣшнія условія мало зависятъ отъ нашихъ личныхъ усилій, наше же собственное внутреннее отношеніе къ жизни зависитъ вполнѣ отъ насъ и мы, если только дѣйствительно захотимъ вернуть въ жизнь утерянную радость, можемъ и должны, прежде всего, измѣнить наше личное отношеніе къ жизни.

Въ чемъ же сущность радости? Гдѣ ея истинный источникъ? Каковы ея отличительные признаки? Чѣмъ же должно объяснить наконецъ этотъ потокъ тоски, унынія и разочарованія, нахлынувшій за послѣдніе годы на русскую жизнь? И, наконецъ, какое же направленіе надо дать нашей жизни, чтобы вернуть въ нее ушедшую куда-то радость и здоровое веселье? Вотъ вопросы, на которые намъ слѣдуетъ отвѣтить.

Къ различнымъ пріятнымъ ощущеніямъ, чувствамъ и настроеніямъ, испытываемымъ человѣкомъ, къ ихъ различнымъ сочетаніямъ и проявленіямъ, мы привыкли примѣнять наименованія: радостей жизни, наслажденій, удовольствій и веселья. Все это спутники, показатели того, что принято называть счастіемъ. Въ этомъ рядѣ пріятныхъ состояній, надъ всѣми царитъ чувство радости. Это высшее изъ испытываемыхъ человѣкамъ чувствованій. Отличительные его признаки — это чистота наслажденія и сила испытываемаго чувства, способнаго проникать все существо человѣка. Безъ чистоты не можетъ

быть истинной радости, такъ какъ это чувство требуетъ отрѣшенія отъ житейскихъ заботъ и отъ непріязненныхъ и себялюбивыхъ чувствъ. Безъ силы тоже не можетъ быть радости, такъ какъ это чувство требуетъ подъема духа и захвата всего существа до трепетнаго восторга.

Всѣмъ болѣе или менѣе знакомы особыя проявленія радости: радость свиданья съ близкими сердцу людьми, радость дружбы, радость раздѣленной любви, радость примиренія, радость созерцанія вѣчной красоты, радость молитвы, радость великодушнаго поступка, радость успѣшнаго труда — творчества, радость побѣды, подвига и т. д. Рядомъ съ этими исключительными моментами радости, вызываемыми тѣми или иными событіями или общеніемъ нашимъ съ другими, существуетъ и болѣе устойчивое, продолжительное состояніе радости, которое, такъ сказать, проникаетъ все обычное настроеніе нашего духа и въ связи съ естественными наслажденіями, удовольствіями и здоровымъ веселіемъ, краситъ нашу жизнь и дѣлаетъ насъ счастливыми.

Но для того, чтобы сердце человѣка было доступно радости или хотя бы даже искреннему веселію, необходимо, чтобы человѣкъ имѣлъ въ себѣ для этого твердую основу, — надо, чтобы онъ вѣрилъ въ жизнь и чувствовалъ въ себѣ ея біеніе.

Радость беретъ свое начало прежде всего во внутреннемъ сознаніи здороваго развитія самой жизни, какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ и въ его связи съ общественнымъ организмомъ и съ вѣчно сущимъ Творцомъ. Поэтому радость, которую мы наблюдаемъ въ себѣ, въ нашихъ ближнихъ и въ цѣлыхъ человѣческихъ обществахъ, прежде всего есть показатель здороваго біенія жизни, показатель здороваго ея развитія. Говоря о жизни человѣческой на раз-

ныхъ ея ступеняхъ мы имѣемъ въ виду конечно, какъ духовную, такъ и физическую ея стороны и признаемъ господствующее значеніе первой.

Человѣкъ, ясно сознающій въ себѣ біеніе такой жизни, оберегающій свое сердце отъ безполезныхъ суетныхъ заботъ, способный возвышаться надъ недочетами внѣшнихъ благъ, болѣзнями и скорбями, думающій подобно мудрецу сѣдой старины: „Я всегда доволенъ тѣмъ, что случается потому, что думаю, что то, чего хочетъ Богъ, лучше того, чего я хочу“ [1]), такой человѣкъ всегда сохранитъ способность испытывать радость при самыхъ незамѣтныхъ дарахъ окружающей дѣйствительности. Онъ не будетъ проклинать жизнь, а будетъ прославлять ее, поступая по слову Божію.

Всегда радуйтеся...
О всемъ благодарите...
Духа не угашайте [2]).

Если радость есть показатель цѣлесообразнаго развитія жизни, то уныніе, тоска и разочарованіе указываютъ на болѣзненное ея направленіе, на неправильное отношеніе людей къ самой жизни. Очевидно, при невѣрномъ отношеніи къ ея задачамъ, теряется и самая способность извлекать радость изъ окружающей дѣйствительности, равнымъ образомъ теряется и энергія, необходимая для отраженія ударовъ и скорбей, создаваемыхъ внѣшними причинами, и—люди впадаютъ въ то состояніе безысходной тоски, которая сейчасъ особенно сильно наблюдается въ русской жизни.

Цѣлесообразное развитіе человѣческой жизни требуетъ удовлетворенія нашихъ естественныхъ потреб-

---

[1]) Эпиктетъ.
[2]) Солун. V, 16—19.

ностей. Эти потребности крайне разнообразны. Соотвѣтствуя двойственной природѣ человѣка, онѣ прежде всего носятъ характеръ то духовно-умственныхъ, то физическихъ. Всѣ онѣ дѣлятся на потребности, удовлетвореніе которыхъ безусловно необходимо, таковы, напр., потребности пищи, тепла, защиты и т. д., на такія, въ удовлетвореніи которыхъ человѣкъ можетъ себя ограничивать, напр., половыя потребности, утонченная пища и вина, комфортъ и удобства жизни и, наконецъ, на потребности искусственныя, которыя выработало болѣзненное развитіе жизни, таковы: роскошь нарядовъ и жилищъ, жажда первыхъ мѣстъ, славы, богатства и т. д. Удовлетвореніе каждой потребности связано съ чувствомъ наслажденія; удовлетвореніе же потребностей естественныхъ — и съ нѣкоторой долей чистой радости.

Если бы людямъ всегда было присуще сознаніе истинной цѣли бытія, то они безъ сомнѣнія болѣе разумно удовлетворяли бы свои потребности, пользовались бы благами жизни въ размѣрахъ дѣйствительныхъ нуждъ своихъ и не доводили бы себя до пресыщенія, какъ они это часто дѣлаютъ теперь,—тогда они неизмѣнно получали бы здоровое наслажденіе и свою долю радости. Но люди, съ ослабленіемъ религіозной вѣры, крайне легко теряютъ и сознаніе цѣли жизни; а многіе и прямо отрицаютъ ее, какъ нѣчто измышленное. При такихъ взглядахъ развивается дикая жажда наслажденій, какъ самодовлѣющей цѣли, непомѣрная алчность ихъ и притомъ, наслажденій наиболѣе грубыхъ и матеріальныхъ. Современная толпа, такъ же, какъ это было во времена паденія римской культуры, предъ разсвѣтомъ христіанской эры, кричитъ: хлѣба и зрѣлищъ! а болѣе обезпеченные классы населенія предъявляютъ непомѣрныя требованія на широкое удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ аппетитовъ, на

утонченныя чувственныя наслажденія и на утѣхи тщеславія.

Всѣ извѣстныя намъ наслажденія имѣютъ большею частью характеръ смѣшанный, то есть, въ грубыя матеріальныя наслажденія проникаютъ частицы болѣе духовныхъ радостей и духовнымъ радостямъ не бываетъ чужда извѣстная доля матеріальныхъ наслажденій. Если мы попробуемъ расположить всѣ извѣстныя намъ наслажденія и радости въ такомъ порядкѣ, чтобы наиболѣе матеріальныя представляли изъ себя ступени, прилегающія къ землѣ, а за тѣмъ съ каждою ступенью выше размѣщались бы наслажденія, въ которыхъ духовное начало получаетъ большую и большую долю и, наконецъ, достигаетъ полнаго преобладанія, то мы получили бы безконечную лѣстницу, на вершинѣ которой оказались бы высочайшія духовныя радости. Мы увидали бы тогда, что на нижнихъ ступеняхъ размѣстились наслажденія наиболѣе грубыя и чувственныя, соотвѣтствующія наиболѣе элементарнымъ потребностямъ и наиболѣе животнымъ инстинктамъ человѣка, удовлетворяющіяся внѣшними благами, не терпящія дѣлежа и потому наиболѣе эгоистичныя, такъ какъ одной порціей пищи нельзя накормить досыта двоихъ и одной шубой нѣскольких человѣкъ тоже не одѣнешь. Равно увидѣли бы, что радости, размѣщенныя на низшихъ ступеняхъ, даютъ только скоро преходящія минуты наслажденій. Но, подымаясь выше по лѣстницѣ наслажденій, мы отъ узко индивидуальныхъ, чисто личныхъ наслажденій и радостей, перейдемъ къ болѣе альтруистическимъ, связаннымъ уже съ благополучіемъ другихъ человѣческихъ личностей и получающимся отъ пользованія внѣшними благами, способными доставить радость многимъ, не утеривая первоначальной силы и сущности. Таковы наслажденія, доставляемыя искусствомъ, красотой при-

роды, научной истиной и т. д., и, наконецъ, достигаемъ ступеней радости, не зависящихъ отъ внѣшнихъ благъ, которыя сознаются внутри насъ и не только не требуютъ эгоистическаго присвоенія, захвата въ свою исключительную пользу, а вызываютъ напротивъ повелительную потребность въ сообщеніи и передачѣ своей радости другимъ и только при этомъ условіи даютъ наслажденіе, преображенное въ высшую, чистую радость.

Наслажденіе первоначально простое, несложное и скоропреходящее, полученное нами отъ чего-либо пріятнаго намъ лично, великодушно раздѣленное съ другими, возвращается къ намъ уже проникнутое доброжелательствомъ, какъ бы согрѣтое теплымъ лучемъ любви. Наслажденіе и радость нераздѣленныя, какъ бы они ни были ярки, скоро проходятъ и оставляютъ послѣ себя лишь реакцію тоски и неудовлетворенности. Преображенная же общеніемъ—радость, проникнутая любовью, т. е., началомъ вѣчнымъ, становится чистой устойчивой радостью, сохраняющей свою силу на долгіе годы. При особенно радостныхъ событіяхъ въ нашей жизни, мы склонны, какъ это знаетъ каждый изъ насъ, дѣлиться нашею радостью съ близкими намъ людьми и спѣшимъ тогда въ объятія тѣхъ, въ комъ увѣрены найти сочувствіе. Но даже и каждое болѣе или менѣе высокое наслажденіе требуетъ общенія, обмѣна впечатлѣній съ людьми, однихъ съ нами понятій и оттого получаетъ болѣе чистый и устойчивый характеръ. Но какъ ни прекрасны наслажденіе и радость, раздѣленныя съ близкими людьми, людьми одного уровня понятій, все же при высокомъ подъемѣ радости у насъ является приливъ особаго великодушнаго чувства и мы стремимся дать радость людямъ обездоленнымъ и несчастнымъ или вообще порадовать возможно большее число людей. Понимая нелѣпость

заставлять людей, болѣе или менѣе чуждыхъ намъ до этой минуты, радоваться нашему личному успѣху или благополучію, мы стремимся, въ такихъ случаяхъ, проявить особое великодушіе, особенно щедрую благотворительность къ людямъ обездоленнымъ и несчастнымъ или спѣшимъ радушнымъ пиршествомъ порадовать широкій кругъ знакомыхъ. Въ этомъ очевидно и коренится смыслъ праздниковъ и пиршествъ, давно укоренившихся вездѣ по поводу семейныхъ и другихъ радостныхъ событій.

Если передача своей радости другимъ и общеніе на почвѣ радости придаетъ ей устойчивость и возвышаетъ ея значеніе и всѣ болѣе высокія формы радости получаются, какъ мы это указали, только при великодушномъ общеніи съ ближними, то самая высокая степень радости, полнота ея, испытывается человѣкомъ только при общеніи съ Богомъ, т. е. получается отъ радостей, раздѣленныхъ съ Самимъ Творцомъ. Сознаніе возможности общенія съ Божественной сущностью, сознаніе таинственной связи съ Божествомъ, возрожденіе къ новой жизни, испытываемое человѣкомъ, освобождающимся отъ житейской скверны и даже только надежда на такое возрожденіе вызываютъ въ человѣкѣ и поддерживаютъ въ немъ чистую восторженную радость. Духъ человѣческій, познающій свое начало и вступающій въ общеніе съ вѣчно Сущимъ, вноситъ въ себя свѣтъ и радость, уноситъ насъ выше и выше отъ матеріи и ея скверны, оскорбляется печалью, такъ какъ жало скорбей не въ силахъ болѣе нарушить его миръ и покой. Такой радостный взглядъ не противорѣчитъ пессимистическому взгляду на матеріальную жизнь, встрѣчающемуся въ писаніяхъ святыхъ отцовъ христіанской церкви; ихъ осужденіе земной жизни, призывы къ печали и слезамъ о ея сквернахъ относятся только къ суетной

жизни людей, непокорныхъ волѣ Божіей, а не содержатъ въ себѣ отрицанія возможной и вполнѣ достижимой чистой радости и здѣсь на землѣ, для творящихъ волю Божества.

„Радуйтеся о Господѣ и паки реку радуйтеся“ [1]) учитъ святое писаніе. „Несть бо царство Божіе брашно и питіе, но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ“ [2]). Страданіе и печаль лишь очистительныя жертвы освобожденія и преддверіе радости. Муки, испытываемыя при исканіяхъ въ области знаній, вознаграждаются радостью открытой истины; муки творчества—разрѣшаются радостью созданія. Поэтому всякій трудъ, и въ особенности исполняемый съ любовью, уже носитъ въ себѣ частицу радости. „Жена егда родитъ отроча, къ тому не помнитъ скорби за радость, яко родился человѣкъ въ мірѣ“ [3]). Такова мистика радости, являющаяся разгадкой христіанскаго пессимизма, совмѣщающагося съ ученіемъ о вѣчной радости. Относясь отрицательно къ жизни вѣка сего, т. е., къ жизни извѣстнаго времени, основанной исключительно на матеріальныхъ благахъ, христіанскіе авторитеты, носители христіанскаго преданія, всегда радуются безконечно всякому завоеванію духа въ области матеріи и вѣрятъ въ торжество чистой радости по слову Священнаго Писанія „Всегда радуйтеся“...

Мы уже указывали на то, что люди склонны смѣшивать цѣль со слѣдствіемъ и потому ставятъ часто цѣлью своихъ стремленій завоеваніе и внесеніе въ жизнь наибольшаго количества наслажденій, надѣясь тѣмъ создать свое счастіе. Но истинныя радости такимъ путемъ не получаются, онѣ даются намъ только тогда, когда мы ихъ не ищемъ и когда онѣ являются,

---

[1]) Филип. IV, 4.
[2]) Римлян. XIV, 17.
[3]) Іоан. XIV, 21.

какъ естественное слѣдствіе правильнаго отношенія нашего къ задачамъ жизни, какъ слѣдствіе умѣренныхъ требованій къ ней и вѣрно избраннаго пути къ истинной цѣли бытія. Получить непосредственно путемъ, такъ сказать, захвата, можно только наиболѣе грубыя, чувственныя наслажденія, — опьяненіе, приносящее забвеніе удручающихъ насъ заботъ, и это будутъ лишь мгновенія грубой чувственности и забвенія, за которыми неминуемо будетъ слѣдовать реакція, т. е., упадокъ бодрости, пресыщеніе и усиленный приливъ тоски. Только жизнь по правдѣ, по совѣсти, при благоволеніи къ окружающимъ, создаютъ ту почву, на которой выростаютъ цвѣты радости; только при сознаніи цѣли бытія, основанной на вѣрѣ въ истиннаго Бога, только при любви къ Нему всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумѣніемъ, при любви и благоволеніи къ ближнимъ создаются условія чистой радости, которая уже не зависитъ отъ внѣшнихъ объективныхъ условій, отъ такъ называемыхъ, внѣшнихъ благъ, а всецѣло отъ внутренняго состоянія нашего духа.

„О Боже всесильный,—восклицаетъ Боэтій, мыслитель V вѣка, въ своемъ произведеніи, написанномъ въ тюрьмѣ незадолго до казни — [1]), эта убогая земля была бы для людей блаженнымъ жилищемъ радости, еслибъ они были крѣпки въ Тебѣ, какъ мы это видимъ въ прочихъ вещахъ этого міра. О! тогда, непохожіе на то, какъ они жили до сей поры, какъ счастливы были бы люди!“

И дѣйствительно, при покорности волѣ Творца, люди получаютъ способность испытывать радость при самыхъ простыхъ внѣшнихъ условіяхъ и въ этой простотѣ находятъ главныя условія счастія.

Уголокъ родной природы, мирный семейный очагъ,

---

[1]) Боэтій. Утѣшенія Философіи.

общеніе дружбы, любимый и полезный для многихъ трудъ, благоволеніе и миръ съ окружающими, трудовой заработокъ, избавляющій отъ зависимости и изнуряющей нужды, сознаніе исполненнаго долга, спокойная совѣсть, твердая вѣра въ вѣчную справедливость и полное отсутствіе заботъ о богатствѣ, славѣ, власти и другихъ утѣхахъ тщеславія — вотъ условія, необходимыя для счастія и чистой радости.

Къ сожалѣнію, люди не покорны волѣ Творца, не пользуются даннымъ имъ закономъ жизни. Имѣя передъ собой безконечную лѣстницу наслажденій и радостей, возвышающуюся до неба, они спѣшатъ пользоваться только тѣми радостями и наслажденіями, которыя ближе къ землѣ, они какъ будто боятся даже поднять свои взоры выше. Большинство современныхъ людей ищетъ только наиболѣе матеріальныхъ благъ и искусственныхъ утѣхъ тщеславія и изъ-за нихъ ведетъ между собой вѣчную и яростную борьбу, совершенно забывая о высшихъ, никѣмъ не оспариваемыхъ, благахъ.

И вотъ эта борьба изъ-за матеріальныхъ благъ и утѣхъ тщеславія не оставляетъ почти мѣста для духа единенія, который долженъ быть душою каждаго народа. Вѣчная забота о своемъ личномъ благополучіи, о сохраненіи своихъ личныхъ, партійныхъ или сословныхъ позицій, вѣчная требовательность, предъявляемая къ другимъ и забвеніе своего собственнаго долга являются важнѣйшими препятствіями къ братскому единенію людей и неизсякаемымъ источникомъ заботъ, скорбей и разочарованій; однимъ словомъ, главной преградой къ росту чистой радости въ жизни людей.

Люди разучились жить, утеряли выработанный природой и много разъ закрѣпленный свидѣтельствомъ религіозныхъ откровеній методъ достиженія

счастія и мирной радости. Признавъ себя слишкомъ разумными, чтобы вѣрить, и слишкомъ свободолюбивыми, чтобы подчиняться установленнымъ природой и истинами откровеній правиламъ жизни, люди въ то же время очевидно не умѣли установить научнымъ путемъ разумныхъ правилъ и цѣлесообразныхъ нормъ жизни, а всѣ самочинно измышленныя правила оказались несостоятельными.

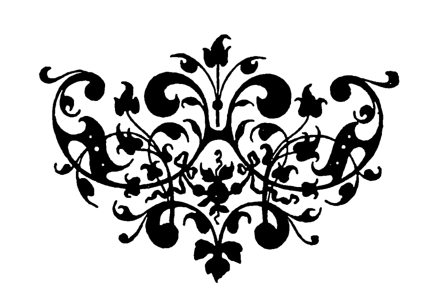
И вотъ чистая радость покинула громадныя группы русскаго, такъ называемаго, сознательнаго общества и мѣсто ея заняла тоска. Какъ зараза, какъ эпидемическая болѣзнь тоска эта охватила и народныя массы, соприкасающіяся съ ними. Мы переживаемъ годы томленія и скуки, такъ какъ даже и веселиться люди разучились. И это не отъ того, чтобы русскіе люди перестали искать наслажденій, радостей и веселья. О, напротивъ, они ихъ особенно жаждутъ и особенно настойчиво требуютъ себѣ „хлѣба и зрѣлищъ!“ И въ этихъ зрѣлищахъ тоже нѣтъ недостатка, напротивъ, мы видимъ усиленное предложеніе всѣхъ видовъ матеріальныхъ радостей. Безконечное разнообразіе зрѣлищъ, рестораны съ утонченной кухней, магазины съ роскошными нарядами и предметами убранства жилищъ, удобства быстраго передвиженія въ лучшія мѣстности міра, все это къ услугамъ обезпеченныхъ классовъ. Но отъ себя не убѣжишь. Безплодно большинство представителей двадцатаго вѣка покрываютъ себя дорогими нарядами, обставляютъ себя удобствами комфорта, ищутъ наиболѣе веселыхъ курортовъ, они несутъ всюду съ собой ту же неспособность воспринимать радости, такъ какъ сердца ихъ полны скорбей, неудовлетворенныхъ самолюбій, непріязни, зависти, пресыщенности, и не согрѣты надеждой и вѣрой въ будущее и потому вездѣ испытываютъ тотъ же сплинъ, ту же тоску, что и у

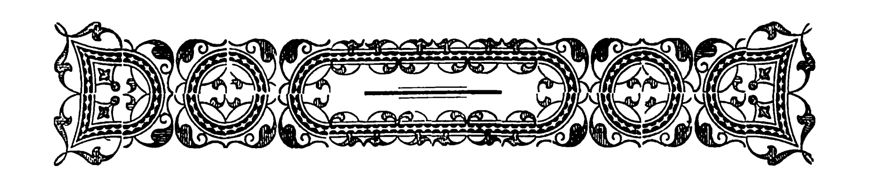
себя дома. Увеселительные сады, цѣлыя сѣти трактировъ, пивныхъ, чайныхъ съ граммофонами и кинематографами, веселые дома, и веселыя женщины дѣлаютъ наслажденія, ранѣе доступныя только богатымъ и наиболѣе достаточнымъ людямъ, теперь достояніемъ даже бѣдняковъ, такъ какъ открываютъ свои двери и продаютъ наслажденія и богачу, бросающему ничтожную долю своихъ доходовъ, и бѣдняку, отдающему свой недѣльный заработокъ. Но вся эта уйма продающихся наслажденій не можетъ замѣнить истинныхъ, безцѣнныхъ, не продающихся и не покупающихся наслажденій и потому, конечно, не можетъ дать людямъ чистой радости.

Но какъ же выйти изъ круга безцѣльнаго и безпринципнаго существованія, который держитъ насъ въ атмосферѣ тоски, горя и позора? Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о сущности счастья и объ основахъ нравственности, какъ о правилахъ жизни. Разрѣшить его пытались и мудрецы древности, и философы-моралисты позднѣйшихъ временъ, до нашихъ дней включительно. Въ разное время искали источника счастья въ личныхъ наслажденіяхъ, въ благополучіи, и пользѣ наибольшаго числа людей, при чемъ имѣлось въ виду главнымъ образомъ внѣшнее благополучіе, искали его и въ экономическихъ благахъ большинства, видя обезпеченіе счастья лишь въ процвѣтаніи промышленности и болѣе справедливомъ раздѣлѣ ея продуктовъ; но и понынѣ эти вопросы не разрѣшены сколько нибудь полно и удовлетворительно. Только христіанское ученіе даетъ истинный и ясный отвѣтъ на эти вопросы. Ученіе это выводитъ понятіе о счастіи и радости, не только изъ узкихъ рамокъ личныхъ наслажденій, не только изъ рамокъ матеріальной пользы наибольшаго числа людей, не только изъ рамокъ исключительно матеріальнаго прогресса, но выводитъ конечный моментъ счастія

изъ ограниченныхъ предѣловъ этой временной жизни, объединяетъ настоящія переживанія человѣческія съ вѣчностью, гдѣ — по христіанскому ученію — окончательно осуществляется справедливость. Какъ основу нравственныхъ требованій ученіе это устанавливаетъ обязательное господство человѣка надъ тѣлесными потребностями и дѣятельную любовь, какъ единственное начало, объединяющее людей между собою и дающее имъ здоровыя нравственныя правовыя формы общежитія.

Правила жизни этого чуднаго ученія любви, свѣта и радости и есть тотъ путь, на который необходимо вновь вступить всѣмъ, утерявшимъ способность воспринимать радость и даже испытывать здоровое веселье. И возвеселятся тогда сердца современныхъ невольныхъ пессимистовъ и обрѣтутъ они миръ и покой душевный и вернется тогда опять чистая радость въ жизнь человѣческую.

Что дѣлать?

II.

Нѣсколько замѣчаній по поводу постановки приходскаго просвѣщенія въ Россіи.

Послѣ заботъ о приходскомъ храмѣ и его благолѣпіи, возрожденной приходской общинѣ надлежитъ поставить на первый планъ заботу объ устройствѣ церковно - приходской школы. Приходъ безъ своей школы немыслимъ и школа должна быть особаго, церковнаго типа. Все наученіе въ ней должно быть направлено къ одной важнѣйшей цѣли, именно, къ воспитанію дѣтей въ истинно христіанскомъ духѣ и понятіяхъ, при чемъ посредствомъ такого наученія должна быть раскрыта сущность „соборнаго православія“, въ отличіе отъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Съ этой точки зрѣнія программа школьнаго преподаванія сводится къ наученію дѣтей прихода начаткамъ Закона Божія, порядку и сущности богослуженія, необходимымъ молитвамъ, краткимъ историческимъ и географическимъ свѣдѣніямъ о родинѣ, пѣнію, письму, счисленію и хоровому пѣнію важнѣйшихъ церковныхъ и лучшихъ свѣтскихъ пѣснопѣній, причемъ крайне желательно, чтобы, для возбужденія въ дѣтяхъ большаго благоговѣнія къ преподаваемымъ

священнымъ предметамъ, уроки Закона Божія, объясненіе главнѣйшихъ молитвъ, порядка и сущности богослуженія, а равно обученіе хоровому церковному пѣнію, происходили въ приходскомъ храмѣ, чтобы ученики старшаго возраста непремѣнно оказывали доступную имъ помощь причту, какъ при богослуженіи, такъ и въ содержаніи храма. Въ награду болѣе отличившимся и потрудившимся благонравнымъ ученикамъ слѣдовало-бы облекать ихъ въ стихарь, каковая мѣра являлась-бы въ глазахъ учениковъ лучшимъ поощреніемъ къ будущей ихъ церковно-общественной дѣятельности.

Въ составѣ приходской школы весьма желательно видѣть соединеніе дѣтей школьнаго возраста по возможности *всѣхъ* прихожанъ (особенно сельскихъ и деревенскихъ приходовъ), какого-бы званія, состоянія и достатка они ни были. Такое школьное, товарищеское общеніе въ нѣжномъ возрастѣ дѣтей, воспитываемыхъ такъ сказать въ атмосферѣ родного храма и въ одномъ любовномъ христіанскомъ духѣ, могло-бы несомнѣнно оказать на нихъ самое благотворное вліяніе на всю ихъ дальнѣйшую жизнь, которое не изгладилось-бы впослѣдствіи, когда судьба, сословныя и имущественныя отличія и различія разведутъ этихъ дѣтей по разнымъ житейскимъ дорогамъ.

Возвращаясь къ вопросу о предметахъ преподаванія въ приходской школѣ, необходимо указать, что старый Филаретовскій катихизисъ врядъ-ли можетъ считаться нынѣ удовлетворительнымъ руководствомъ при изученіи Закона Божія, да и разные современные учебники по библейской исторіи требуютъ основательной переработки, въ видахъ лучшаго выбора и освѣщенія историческихъ событій, въ нихъ изложенныхъ, съ приспособленіемъ текста къ понятіямъ малолѣтнихъ учениковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ зна-

менательнаго съѣзда законоучителей въ Петербургѣ лѣтомъ прошлаго года, гдѣ, между прочимъ, маститый протоіерей Розановъ подвергъ основательной критикѣ Филаретовскій катихизисъ, вопросъ о составленіи лучшаго катихизиса и болѣе пригодныхъ учебниковъ по исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта уже не заглохнетъ и мы — надо надѣяться — скоро дождемся появленія болѣе удовлетворительныхъ пособій и руководствъ по изученію Закона Божія.

Несомнѣнно, что высшій надзоръ за всей приходской школой долженъ быть врученъ приходскому священнику, который весьма естественно является учителемъ самаго важнаго предмета преподаванія въ школѣ, именно Закона Божія. Но зная крайнее обремененіе приходскаго священника дѣлами своего храма, требоисправленіями и другими возложенными на него обязанностями, нельзя и требовать отъ него невозможнаго, а именно, постояннаго, внимательнаго и дѣятельнаго наблюденія за школою. У священника въ этомъ дѣлѣ должны быть помощники и въ этомъ отношеніи лицемѣрно и несправедливо ограничивать его выборъ одними низшими членами причта, также весьма сильно отвлекаемыми исправленіемъ требъ и и дѣлами приходскаго храма.

Вся возрожденная православная приходская община должна принять посильное участіе въ созиданіи и оборудованіи *своей* первоначальной школы, куда должны поступать ея дѣти, а потому изъ числа наиболѣе уважаемыхъ и просвѣщенныхъ въ широкоцерковномъ смыслѣ прихожанъ и прихожанокъ надлежитъ выбрать немногочисленный, но стойкій въ дѣлахъ вѣры приходско-школьный *совѣтъ* (или *попечительство*) и воспитательную часть въ школѣ необходимо будетъ отдать въ руки образованныхъ и благонадежныхъ діакониссъ, если, какъ слѣдуетъ желать

и ожидать, этотъ древній церковный институтъ будетъ возстановленъ вмѣстѣ съ возрожденіемъ церковно-приходской общины въ православной Россіи.

При разрѣшеніи поставленнаго вопроса о помощникахъ священника въ учительствѣ и наставничествѣ въ школѣ не надо забывать, что эта школа, кромѣ наученія разнымъ предметамъ, имѣетъ еще важную воспитательно-назидательную цѣль и для широкаго осуществленія этой цѣли необходимо привлечь мірскія силы въ приходѣ. Кромѣ преподаванія въ приходской школѣ выше перечисленныхъ предметовъ, должно быть обращено вниманіе на устройство въ теплое время года, подъ руководствомъ опытнаго наставника, поучительныхъ прогулокъ съ дѣтьми къ ближайшимъ святымъ и исторически-славнымъ мѣстамъ. Также весьма полезно и назидательно устраивать среди учениковъ кружки для лѣсонасажденія, гербаризаціи, гимнастическихъ упражненій (сокольства) и т. п. Равнымъ образомъ крайне желательно учрежденіе ремесленныхъ классовъ, гдѣ дѣти пріучались бы къ устройству собственными силами разныхъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту, инструментовъ и пособій, а въ школѣ для дѣвочекъ необходимо обучать ихъ рукодѣлію и приготовленію пищи. Въ земледѣльческой полосѣ Россіи должны быть также учреждаемы при церковно-приходскихъ школахъ элементарные курсы сельскаго хозяйства и лѣсоводства, съ устройствомъ опытнаго примѣрнаго поля и опытнаго примѣрнаго огорода. Для осуществленія всѣхъ этихъ широкихъ задачъ необходимо — какъ указано выше — возможно больше привлечь къ школьному дѣлу просвѣщенныхъ мірянъ-прихожанъ и прихожанокъ, которые могли-бы, не за плату, а безвозмездно, удѣлять свои труды на пользу христіанскаго просвѣщенія въ своемъ приходѣ. Во главѣ всей организаціи

приходско-школьнаго дѣла должны, какъ пояснено выше, встать около священника наиболѣе ретивые къ церковно-общественному строительству люди, которые и явятся естественными помощниками священника, какъ въ преподаванiи, такъ и въ завѣдыванiи хозяйственной частью школы.

Думая о судьбѣ нашихъ дѣтей, нельзя забывать и объ участи взрослаго поколѣнiя нашихъ, еще пока темныхъ, деревень и селъ. Во многихъ углахъ нашего обширнаго отечества большинство деревенскаго люда остаются непросвѣщенными, попусту сквернословящими, предающимися неумѣренному пьянству. Этотъ людъ оказывается крайне слабымъ въ познанiи важнѣйшихъ истинъ православнаго вѣроученiя и даже въ знанiи и пониманiи главнѣйшихъ молитвъ, а потому это темное стадо также требуетъ заботъ и попеченiя со стороны старшихъ своихъ и просвѣщенныхъ братiй, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ.

Для выполненiя этихъ неотложныхъ заботъ и попеченiя, помимо учреждаемыхъ въ нѣкоторыхъ приходахъ обществъ трезвости, необходимо, чтобы при храмахъ были устроены въ удобное для священника и прихожанъ время систематическiе *катихизаторскiе курсы*, гдѣ-бы взрослые мужчины и женщины научались, подъ руководствомъ священника, Закону Божiю, основнымъ понятiямъ православнаго вѣроученiя, главнѣйшимъ молитвамъ и, такимъ образомъ, могли-бы затѣмъ отстаивать предъ иновѣрцами и сектантами правоту и истину своей Церкви.

Жалостно видѣть, какъ иногда крѣпкiй въ своей вѣрѣ и стойкiй въ своихъ церковно-общественныхъ формахъ и обрядахъ, изрядно начитанный въ священномъ писанiи русскiй народъ сдается теперь предъ соблазномъ пропаганды представителей и проповѣдниковъ разныхъ вѣроученiй и всевозможныхъ сектъ,

которые теперь забираютъ тысячами въ свои сѣти слабыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ называемыхъ, православныхъ христіанъ. Нашимъ духовнымъ дѣятелямъ, столь склоннымъ искать защиты для Церкви въ полицейско-карательныхъ мѣрахъ, надлежало-бы вспомнить, что въ самыя первыя времена христіанства въ церковную ограду допускались лишь люди сознательно усвоившіе истины вѣры и приготовившіеся къ вступленію въ составъ церковной общины долгимъ изученіемъ книгъ, не только священнаго писанія, но и религіозно-назидательнаго содержанія, вродѣ „Пастыря“ Ермы, „Ученія 12-ти апостоловъ“ и многихъ другихъ. Кто теперь, даже изъ духовныхъ пастырей и руководителей, силенъ въ древне-христіанской литературѣ и кто теперь вспоминаетъ объ „огласительномъ“ періодѣ, обязательномъ когда-то для христіанъ, вступавшихъ въ ограду церкви?

Въ дополненіе къ вышеизложеннымъ предположеніямъ о необходимости введенія во всѣхъ приходахъ катихизаторскихъ курсовъ для взрослыхъ, нельзя не указать на желательность устройства, особенно въ городскихъ приходахъ, *воскресныхъ школъ* (приблизительно по той-же программѣ, которая будетъ положена въ основу преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ), куда надлежитъ привлекать главнымъ образомъ лицъ, живущихъ у частныхъ лицъ въ качествѣ прислуги, приказчиковъ, конторщиковъ и т. п. Возвышеніе христіанскаго духа и чувствъ въ людяхъ при будущей болѣе совершенной приходской организаціи, вѣроятно, побудитъ церковную общину обратить серьезное и братское вниманіе на крайне зависимое и приниженное положеніе этихъ слугъ, которые въ большинствѣ случаевъ (особенно прислуга) лишены возможности по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ посѣщать богослуженія въ храмахъ.

Возрожденная церковная община будетъ въ состояніи исправить этотъ недостатокъ и тогда перечисленная выше категорія людей, посѣщая храмы въ указанные дни, получитъ также возможность послѣ богослуженія удѣлить часъ-другой и на посѣщеніе воскресной школы. Вообще слѣдуетъ надѣяться, что при возстановленіи правильной приходской жизни, когда всѣ члены мѣстной Церкви будутъ служить ея интересамъ активно и ревностно, во многомъ измѣнятся нравы, и обычаи, и подъ вліяніемъ болѣе сильнаго чувства братолюбія столь явственное отторженіе христіанскихъ рабочихъ и слугъ отъ христіанскихъ господъ и хозяевъ, которое нынѣ замѣчается повсюду, постепенно изгладится. Быть можетъ у болѣе духовно развитыхъ главъ семей возстановится въ ихъ помѣщеніяхъ та древняя крестовая палата, или молельня, гдѣ прежде собиралась, кромѣ членовъ семьи, и вся челядь на общую домашнюю молитву.

Въ каждомъ благоустроенномъ приходѣ, гдѣ въ достаточной мѣрѣ будетъ развита грамотность, должна быть устроена *приходская библіотека* вмѣстѣ съ *читальней*. Эта библіотека должна состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ (кромѣ круга богослужебныхъ книгъ). Первый отдѣлъ долженъ заключать въ себѣ книги и изданія, помогающія клиру отправлять его обязанности по отношенію къ просвѣщенію своихъ прихожанъ и дающія ему возможность расширять и углублять ихъ богословское образованіе и слѣдить за современной богословской литературой. Весьма желательно, чтобы при церковно-приходской библіотекѣ была устроена читальня со столь необходимымъ для нашей провинціи волшебнымъ фонаремъ. Въ этой читальнѣ могли-бы собираться кружки прихожанъ для совмѣстнаго чтенія подъ руководствомъ своего пастыря, или его просвѣщеннаго помощника изъ

міряиъ, книгъ св. Писанія, творeній святыхъ отцовъ, а также и другихъ религіозно-нравственныхъ книгъ. Такіе кружки, конечно, могли-бы способствовать въ свою очередь къ постепенному пробужденію религіозно-просвѣтительныхъ потребностей въ другихъ жителяхъ прихода.

Наши духовныя академіи уже много десятковъ лѣтъ заняты переводами твореній св. отцовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя творенія, *какъ* напримѣръ, Іоанна Златоуста прекрасно переведены Петербургской духовной академіей на русскій языкъ. Всѣ эти труды лежатъ на полкахъ книжныхъ магазиновъ, или-же въ складахъ этихъ академій почти безъ требованій со стороны публики, а если и разошлись, то только вслѣдствіе небольшого количества изданныхъ экземпляровъ. Всѣ эти капитальныя сочиненія богословной литературы могли бы быть переизданы, какъ только наши приходы станутъ устраивать у себя библіотеки и читальни.

Предполагая, что при современныхъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ многихъ православныхъ приходовъ такія библіотеки и читальни могутъ быть устроены не въ отдѣльныхъ зданіяхъ, а въ помѣщеніи приходской школы, мы полагали-бы возможнымъ, чтобы эти читальни служили также мѣстомъ собраній *обществъ трезвости*, которыя за послѣднее время учреждаются въ нѣкоторыхъ православныхъ приходахъ. Эти симпатичныя и полезныя общества, кромѣ заботъ объ искорененіи путемъ культурныхъ средствъ въ народѣ порока пьянства, должны непремѣнно ввести въ кругъ своихъ обязанностей также и заботы объ искорененіи отвратительнаго порока—сквернословія, столь, къ сожалѣнію, распространеннаго среди нашего простого народа, забытаго интеллигенціей и духовенствомъ.

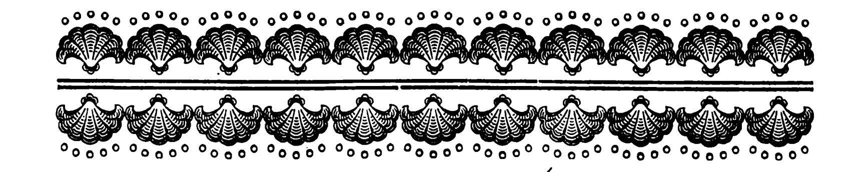
Въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ весьма крѣпко засѣло вредное для православныхъ сектантство (особенно съ изувѣрческимъ характеромъ), а также гдѣ открыто и нагло дѣйствуетъ воинствующее иновѣріе и инославіе съ цѣлями пропаганды и подавленія православія насильственными и грубыми средствами, конечно, для естественной самозащиты крайне необходима для православныхъ организація по приходамъ *миссіонерскихъ братствъ и кружковъ.* Но при знакомствѣ съ положеніемъ и исторіей миссіонерскаго дѣла въ Россіи, съ техникой и пріемами православныхъ миссіонеровъ (особенно, такъ называемыхъ, „казенныхъ“, не только духовныхъ, но и людей свѣтскихъ, состоящихъ на жалованьѣ у высшей духовной власти), съ формой ихъ состязаній, особенно со старообрядческими начетчиками разныхъ толковъ, намъ всегда казалось, что все это миссіонерское дѣло, при современныхъ церковныхъ и политическихъ обстоятельствахъ, требуетъ внимательнаго пересмотра и реформированія, въ цѣляхъ придачи ему болѣе мирнаго (и такъ сказать „евангельскаго“) характера и теченія, такъ, чтобы люди, посвящающіе свои силы этому дѣлу, изъ современныхъ „миссіонеровъ“ превратились въ дѣйствительныхъ „благовѣстниковъ“, и неправославное слово „миссія“ замѣнилось бы правильнымъ словомъ „благовѣстіе“ При этомъ нельзя не высказать ту мысль, что едва ли не самымъ надежнымъ путемъ для выполненія правильно сознанной миссіонерской задачи является не столько формальная защита своей вѣры и обрядности—при помощи словопреній и состязаній—сколько собственный примѣръ оказательства нравственныхъ доблестей со стороны церковной общины (прихода), которая, поднявшись на возможную для нея высоту христіанской жизни и дѣятельности, можетъ своимъ примѣромъ и всѣмъ

строемъ своей жизни скорѣе и прочнѣе завоевать расположеніе и симпатіи и даже возбудить подражаніе среди окружающихъ ее иновѣрцевъ и можетъ быть даже, при Божьей помощи, — среди враговъ христіанства.

Этими замѣтками мы закончимъ нашу небольшую статью, касающуюся серьезной темы о постановкѣ школьнаго дѣла и вообще христіанскаго просвѣщенія въ нашихъ приходахъ. Въ заключеніе однако мы не можемъ не высказать нашего твердаго убѣжденія, что важное дѣло возрожденія православнаго прихода можетъ пойти только тогда своимъ широкимъ и естественнымъ ходомъ, когда въ сознаніи православнаго общества раскроется и укрѣпится во всемъ своемъ величіи и значеніи мысль о необходимости и неизбѣжности устройства всей церковной жизни на „соборномъ началѣ". Это начало между прочимъ требуетъ отъ всѣхъ прихожанъ „активнаго" участія во всей церковно-общественной жизни, во всѣхъ ея дѣлахъ и начинаніяхъ, непремѣнно въ тѣсномъ союзѣ и духовномъ общеніи съ ихъ пастырями и подъ руководствомъ благожелательнаго мѣстнаго епископа.

А. Папковъ.

Ученіе Геккеля въ его отношеніяхъ къ наукѣ и религіи.

(Окончаніе).

Говоря о безконечно великомъ и безпредѣльномъ пространствѣ, въ которомъ онъ заключаетъ всю свою Вселенную, Геккель рѣшаетъ вопросъ о реальности пространства простой ссылкой на здравый смыслъ, а въ одномъ мѣстѣ „Міровыхъ Загадокъ“ договаривается даже до того, что реальность пространства считаетъ доказанной благодаря закону субстанціи. Все это очень наивно. Вѣдь вопросъ о пространствѣ является, какъ извѣстно, однимъ изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Здѣсь проявляется полная ненаучность Геккеля въ математическомъ отношеніи. Вѣдь существуетъ громадная область геометріи, называемая неевклидовой геометріей, которая подвергаетъ сомнѣнію обычныя наши геометрическія представленія о пространствѣ и съ которой неоходимо такъ или иначе считаться всякому ученому, желающему отъ лица науки говорить о пространствѣ. Находимъ-ли мы у Геккеля въ его „Міровыхъ Загадкахъ“ хотя намекъ на эту важную въ гносеологическомъ отношеніи область математики? Нѣтъ, Геккель совершенно ея не касается, да онъ даже прямо заявляетъ въ одномъ мѣстѣ о своемъ незнаніи математики. А между тѣмъ въ этой же

именно области математики можно было бы найти много поучительнаго всякому человѣку, испытывающему въ себѣ наклонность къ догматизированію какихъ либо научныхъ положеній и гипотезъ. Вспомнимъ въ немногихъ словахъ эту весьма интересную и поучительную исторію развитія геометрической мысли. Когда русскій геометръ Лобачевскій, желая изслѣдовать 11-ую аксіому Евклида, имѣющую то значеніе, что чрезъ одну точку внѣ прямой можно провести только одну прямую, параллельную данной, допустилъ вмѣсто этого положеніе, что чрезъ данную точку можно провести нѣсколько прямыхъ параллельныхъ данной, то онъ нигдѣ въ своихъ дальнѣйшихъ утвержденіяхъ не пришелъ къ противорѣчію, а построилъ совершенно цѣльную геометрическую систему, которая и положила начало такъ называемой неевклидовой геометріи. Подобнымъ образомъ нѣмецкій математикъ Риманъ, отбрасывая ту же 11-ую аксіому Евклида и аксіому о томъ, что чрезъ двѣ точки можно провести лишь одну прямую, создалъ новую геометрію, называемую сферической, которая предполагаетъ пространство безграничнымъ, но небезконечнымъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время существуютъ разнообразныя геометріи, среди которыхъ обычная геометрія Евклида является лишь частнымъ случаемъ. Прежде ученые самыхъ разныхъ воззрѣній сходились на томъ, что видѣли въ геометрическихъ аксіомахъ нѣчто безусловно непоколебимое и устойчивое и, въ силу своей очевидности, не подлежащее никакимъ мыслимымъ видоизмѣненіямъ. Теперь это воззрѣніе поколеблено, благодаря творческому развитію математической мысли, которая нерѣдко обнаруживала неточность въ томъ, что раньше считалось очевиднымъ. И здѣсь была поколеблена вѣра въ немыслимость иныхъ принциповъ, на которыхъ пола-

гается наука. По взглядамъ современнаго нѣмецкаго математика Клейна, слѣдуетъ проявлять высшую мѣру терпимости при выставленіи аксіомъ. Другой знаменитый французскій математикъ Пуанкаре высказывается въ своей книгѣ: „Наука и Гипотеза" въ такомъ же направленіи.

Какъ бы тамъ ни было, а новѣйшія ученія геометріи вызвали въ нѣкоторыхъ умахъ мысль о томъ, что наше пространство можетъ быть только въ малыхъ частяхъ является обладающимъ тѣми свойствами, которыми мы привыкли его надѣлять; и нѣкоторыми были сдѣланы даже попытки опытнымъ путемъ провѣрить, каковы свойства нашего пространства. Если бы наше пространство оказалось соотвѣтствующимъ Римановой геометріи, то оно, будучи безграничнымъ, было бы небезконечно такъ же, какъ шаровая поверхность хотя и безгранична, но не безконечна. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы утверждать что-нибудь въ этомъ отношеніи, но мы считаемъ безусловно необходимымъ не только для ученаго, желающаго создать научную философію, но и для всякаго человѣка, касающагося вопроса о пространствѣ съ космологическими цѣлями, отвѣтить такъ или иначе на вопросъ о неевклидовой геометріи. Повторяемъ, Геккель совсѣмъ не касается этого. А между тѣмъ здѣсь математика, эта величественная старѣйшая и точнѣйшая изъ наукъ, въ своемъ отношеніи къ аксіомамъ дала бы ему хорошій примѣръ той скромности, которой долженъ проникаться въ своихъ утвержденіяхъ человѣческій умъ, если онъ дѣйствительно вѣритъ въ истину и стремится къ ней и если онъ хочетъ въ то же время оставаться научнымъ и свободнымъ отъ догматизма.

Геккель утверждаетъ безконечность субстанціи, заполняющей пространство, опираясь при этомъ на законъ сохраненія матеріи и законъ сохраненія энер-

гіи. Законъ сохраненія матеріи онъ формулируетъ такъ: сумма матеріи, заполняющей безконечное пространство вселенной, всегда одна и та же. Здѣсь повидимому Геккель смѣшиваетъ два совершенно различныхъ утвержденія. Онъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, утверждаетъ безконечность матеріи и по объему, и по массѣ. Но нѣмецкій философъ Вундтъ совершенно справедливо замѣтилъ, что если принять безконечность матеріи по объему, то тѣмъ самымъ мы вовсе еще не обязуемся неизбѣжно принимать безконечности матеріи по массѣ. Можно предположить, говоритъ Вундтъ, что плотность матеріи отъ данной точки убываетъ во всѣхъ направленіяхъ такъ, что, хотя объемъ матеріи и будетъ безконечнымъ, масса этой матеріи выразится конечнымъ числомъ. Геккель этого не различаетъ и, не производя никакого анализа, дѣлаетъ свои голословныя и неопредѣленныя утвержденія. Тотъ самый законъ сохраненія матеріи, который говоритъ о постоянствѣ количества матеріи во всякой конечной, ограниченной со всѣхъ сторонъ части пространства, онъ переноситъ на безконечное количество матеріи по массѣ, благодаря чему законъ этотъ утрачиваетъ весь свой научный смыслъ и перестаетъ выражать первоначальную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, если бы гдѣ-нибудь въ пространствѣ возникло или исчезло, положимъ, 1000 килограммовъ матеріи, развѣ это измѣнило бы безконечную массу матеріи всей вселенной? Вѣдь, выражаясь математическимъ языкомъ, слѣдуетъ сказать, что безконечная величина не измѣняется отъ прибавленія къ ней или отнятія отъ нея какой-нибудь конечной величины. Поэтому такое возникновеніе или исчезновеніе матеріи не нарушило бы тотъ законъ сохраненія матеріи, который формулируется Геккелемъ, но оно, конечно, нарушило бы физическій законъ сохраненія матеріи. Потому-то ученые

всегда и стараются такъ формулировать законъ Лавуазье о сохраненіи матеріи, чтобы при этомъ не выйти изъ области опытныхъ, конечныхъ наблюденій. Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ по этому поводу русскій химикъ Менделѣевъ въ своихъ „Основахъ Химіи“.

„Лавуазье нашелъ, что сумма вѣса происшедшихъ тѣлъ каждый разъ равна суммѣ вѣса взятыхъ тѣлъ или, другими словами, вещество не творится, не пропадаетъ, или — матерія вѣчна. Это послѣднее выраженіе, говоритъ дальше Менделѣевъ, конечно заключаетъ въ себѣ гипотезу, но посредствомъ его мы желаемъ только краткой фразой замѣнить слѣдующій длинный періодъ; при всѣхъ нашихъ опытахъ и во всѣхъ изученныхъ явленіяхъ природы ни разу не удалось замѣтить, чтобы вѣсъ происшедшихъ веществъ былъ больше или меньше (на сколько позволяетъ намъ точность взвѣшиванія) вѣса взятыхъ тѣлъ, а такъ какъ вѣсъ пропорціоналенъ массѣ или количеству вещества, то изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что ни разу не удалось замѣтить исчезанія вещества или появленія новаго его количества“.

Въ настоящее же время мысль физики пошла гораздо дальше, и условность и относительность закона сохраненія матеріи выступаютъ на видъ даже съ физической точки зрѣнія. „Теперь достаточно хорошо извѣстно, говоритъ англійскій физикъ Оливеръ Лоджъ, что атомы матеріальные не являются чѣмъ-то неразрушимымъ и неизмѣннымъ, какъ объ этомъ когда-то думали“. „Одна довольно вѣроятная теорія полагаетъ, что матеріальные атомы состоятъ изъ мельчайшихъ тѣлецъ, которыя называются электронами или электрическими зарядами“. „Если допустить, что атомъ разрѣшается такимъ образомъ въ электроны, то его вѣсъ можетъ оказаться въ состояніи исчезнуть“.

„Пока электрическіе центры напряженія или чѣмъ бы они тамъ ни были, пока сами электрическіе заряды остаются неизмѣнными, мы можемъ предпочитать говорить, что матерія сохраняетъ свою базу.

Но дальше этого, продолжаетъ Лоджъ,. мы идти не можетъ и говорить, какъ это дѣлаетъ Геккель, что современный физикъ такъ привыкъ къ идеѣ сохраненія матеріи, что является неспособнымъ понимать противное, это просто—ложь.

Сами электроны, говоритъ Лоджъ, должны быть какъ нибудь выяснены; единственная гипотеза, которая въ настоящее время является принятой, это та, что они суть узлы и крученія или вихри, или нѣкотораго рода статическія или кинетическія видоизмѣненія пространственнаго эфира. Возможно, что эти узлы не смогутъ быть развязаны, эти крученія не смогутъ быть распутаны, эти вихри разрушены; возможно, что они никогда не будутъ доступны даже самому незначительному искусственному или произвольному измѣненію; это—возможно, но мы здѣсь ничего не знаемъ, и очень легко вообразить себѣ ихъ разрушенными, мыслить, что электронъ потерялъ свое тождество, что его субстанція разрѣшилась въ начальный эфиръ, недѣлимый и безъ индивидуальныхъ свойствъ. Если бы это случилось и если бы мы объ этомъ узнали, мы должны были бы признать, что свойства матеріи исчезли и что слѣдовательно то, что только можно было бы назвать „матеріей“, разрушено. Уничтоженіе и созданіе матеріи суть идеи, доступныя научнымъ понятіямъ, и могутъ быть въ области экспериментальныхъ возможностей“.

Изъ сказаннаго можно видѣть, насколько далекъ взглядъ Геккеля на законъ сохраненія матеріи отъ того, что можетъ быть названо научной точкой зрѣнія. Мы видимъ какъ обстоитъ дѣло съ одной базой

основного космологическаго закона Геккеля, закона субстанціи съ закономъ сохраненія матеріи. Не лучше оно обстоитъ и съ другой—съ закономъ сохраненія энергіи. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Геккель смѣшиваетъ понятіе силы съ понятіемъ энергіи. По поводу этого смѣшенія извѣстный петербургскій профессоръ физики Хвольсонъ пишетъ слѣдующее. „Сила, какъ въ настоящее время всѣмъ извѣстно, есть причина измѣненія движенія и есть совершенно иная величина, чѣмъ энергія. Нѣчто аналогичное мы имѣли бы, если бы въ статистикѣ число вступленій въ бракъ было перемѣшано съ числомъ рожденій". Сумма силъ, дѣйствующихъ въ безконечномъ пространствѣ вселенной, говоритъ Геккель, и обусловливающихъ всѣ явленія природы остается постоянной. Опять возможно было бы подобно тому, какъ сдѣлано было это съ закономъ сохраненія матеріи, указать на весьма неосторожную формулировку закона съ математической точки зрѣнія, но мы не будемъ повторяться; сравнимъ лучше взглядъ Геккеля на *этотъ законъ* со взглядомъ на *этотъ законъ* спеціалистовъ ученыхъ. Оба эти закона—и законъ сохраненія матеріи, и законъ сохраненія энергіи, по мнѣнію Геккеля, объединяются въ одномъ „законѣ сохраненія" и представляютъ собой „аксіому сохраненія", которая, по мнѣнію Геккеля, вытекаетъ изъ закона причинности.

„Это обобщеніе,—говоритъ Лоджъ о законѣ сохраненія энергіи,—утверждаетъ, что во всякой полной матеріальной системѣ, подверженной какому бы то ни было внутреннему дѣйствію, общая энергія системы не измѣняется, но просто подлежитъ передачамъ и преобразованіямъ, что она можетъ быть увеличена или уменьшена съ поступленіемъ новаго количества энергіи, входящей въ предѣлы системы и выхо-

дящей изъ нихъ. Этотъ фактъ далекъ отъ очевидности; чтобы доказать его, понадобились самыя тщательныя измѣренія и экспериментальныя доказательства"

Спеціалисты ученые не придаютъ этимъ законамъ того значенія, которое хочетъ придать имъ Геккель. Зато, съ другой стороны, бываетъ съ Геккелемъ и обратное. Въ угоду своимъ метафизическимъ соображеніямъ, онъ не прочь бываетъ иной разъ и отбросить иной законъ. Такъ напримѣръ, онъ поступаетъ со вторымъ закономъ термодинамики. По этому поводу профессоръ физики Хвольсонъ пишетъ слѣдующее: „внимательно читая то, что находится о второмъ законѣ въ „Міровыхъ Загадкахъ", приходишь къ такому заключенію: законъ этотъ долженъ быть ложенъ потому, что онъ не удобенъ для автора „Міровыхъ Загадокъ", т. е. потому, что его никакъ нельзя втиснуть въ систему монистической философіи и онъ ей противорѣчитъ".

Такъ безцеремонно поступаетъ Геккель съ тѣмъ въ наукѣ, что не подходитъ подъ его тенденціи. Не менѣе безцеремонно его отношеніе и ко всѣмъ тѣмъ ученымъ, которые смѣютъ высказывать не согласные съ нимъ взгляды. Онъ рѣзко порицаетъ и Дюбуа Реймона, и Вундта, и многихъ другихъ, думающихъ иначе, чѣмъ онъ, ученыхъ. Такимъ образомъ, отношеніе Геккеля къ наукѣ—крайне тенденціозно: онъ выбираетъ изъ нея то, что ему нравится, отбрасываетъ то, что ему не нравится, и догматизируетъ научныя положенія.

Онъ приписываетъ своимъ положеніямъ также и безусловную универсальность. Онъ распространяетъ на всѣ возможныя существа тѣ свойства, которыя наблюдались дѣйствительной наукой. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что Геккель самъ признаетъ воз-

можность иныхъ, чѣмъ наши земныя, существъ, живущихъ въ другихъ мірахъ. Вотъ его слова: „очень вѣроятно, что на нѣкоторыхъ планетахъ нашей системы (на Марсѣ и Венерѣ), а также на многихъ планетахъ другихъ солнечныхъ системъ разыгрывается такой же біогенетическій процессъ... Гораздо вѣроятнѣе, что на другихъ планетахъ развились другіе типы растеній и высшихъ животныхъ, чуждые нашей планетѣ; быть можетъ изъ какого-нибудь высшаго рода, стоящаго выше нашихъ позвоночныхъ, произошли здѣсь высшія существа, далеко превосходящія насъ, людей земли, своимъ интеллектомъ и своими способностями“.

По поводу этого Оливеръ Лоджъ говоритъ: „Въ самомъ дѣлѣ, это весьма вѣроятно и даже невѣроятенъ тотъ фактъ, чтобы человѣкъ былъ наивысшимъ типомъ бытія. Но если проф. Геккель склоненъ къ этой вѣроятности, то почему же онъ такъ энергично исключаетъ идею откровенія, т. е. знаній, происходящихъ изъ высшихъ источниковъ? Вѣдь дикари могутъ же получить „откровеніе“ отъ цивилизованныхъ людей. Почему же было непонятнымъ, чтобъ человѣческія существа могли пріобрѣсти нѣкоторыя познанія чрезъ посредство существъ высшихъ, чѣмъ мы, во вселенной?“

Дѣйствительно, отрицая Бога Творца и замѣняя его безконечной эволюціей, Геккель съ своей точки зрѣнія, въ силу одной идеи безконечности, долженъ неизбѣжно придти къ признанію возможности существованія безконечно высшихъ, чѣмъ мы, существъ, созданныхъ этой самой безконечной эволюціей, въ противномъ случаѣ, это какъ разъ былъ бы тотъ самый антропоцентризмъ, въ которомъ онъ упрекаетъ своихъ противниковъ. Геккель признаетъ возможность такихъ существъ, но почему то сейчасъ же

спѣшитъ заявить: „мы не допускаемъ возможности того, чтобъ обитатели земли когда-нибудь вступили въ сношеніе съ жителями другихъ планетъ“, т. е., практически онъ считаетъ эти существа нисколько не выше насъ, ибо невозможное для насъ оказывается невозможнымъ и для нихъ и законы, извѣстные намъ, являются универсальными.

Да и вообще какъ можно дѣлать такія обобщенія? Пусть въ извѣстный промежутокъ времени нѣкоторыя существа обнаруживаютъ нѣкоторое единство состава и эволюцію, что впрочемъ выражаетъ еще самыя общія идеи и допускаетъ самыя различныя толкованія, но пусть будетъ такъ,—согласимся съ этимъ. Но какъ же можно дѣлать такое заключеніе. Бытіе единое и *во всей сущности* проявленій подлежитъ одному и тому же извѣстному намъ закону эволюціи. Это не индукція. Это просто превращеніе частнаго въ общее, говоритъ современный французскій философъ Бутру.

За понятіями единства и эволюціи, какъ они выступаютъ у Геккеля, совсѣмъ не остается научнаго экспериментальнаго смысла, подобно тому, какъ это происходитъ, какъ мы раньше видѣли, и съ иными научными понятіями и законами.

Единое Геккеля царитъ надъ всѣмъ: и надъ грубой матеріей, и надъ матеріей живой, и надъ эфиромъ, и надъ протяженіемъ, и даже надъ мыслью. Оно одушевлено, оно чувствуетъ и способно къ движенію.

„Обѣ главныя составныя части субстанціи, говоритъ Геккель, масса и эфиръ, не мертвы, ихъ двигаютъ не только внѣшнія силы, онѣ обладаютъ ощущеніемъ и волей; онѣ ощущаютъ удовольствіе отъ сгущенія, неудовольствіе при давленіи, стремятся къ сгущенію и противятся давленію“.

По поводу этой цитаты Лоджъ замѣчаетъ слѣ-

дующее: „я хочу дать вѣжливую критику, поэтому воздержусь отъ характеристики этой цитаты, которую долженъ былъ бы сдѣлать, какъ физикъ“.

„Атомамъ, по мнѣнію Геккеля, присуща простѣйшая форма ощущеній и воли, или, лучше сказать, чувствованія и стремленія—другими словами,—„душа“ примитивнѣйшаго качества“.

„Для выясненія при помощи матеріи жизни, разумѣнія и сознанія оказывается необходимо сдѣлать одно: предположить, что матерія обладаетъ этими необъяснимыми аттрибутами“...

„Это не наука, продолжаетъ Лоджъ, и формулировка этого не даетъ никакого понятія о томъ, что такое жизнь, воля и сознаніе. И даже если бы все это было истиннымъ, оно все таки ничего не объясняло бы: оно допускаетъ необъяснимое и отсылаетъ его къ атомамъ въ надеждѣ на то, что ужъ тамъ то навѣрно не будутъ производить изысканій“.

Что касается эволюціи, то Геккель объявляетъ ее строго механической, чего, конечно, наука не даетъ никакого права дѣлать. Признавъ ее механической, Геккель въ то же время утверждаетъ, что шествіе ея направляется къ совершенству, несмотря на періоды регресса. Это опять таки совсѣмъ не научное обобщеніе.

Далѣе Геккель объявляетъ свою систему пантеистической. Богъ находится не внѣ міра, а въ самыхъ нѣдрахъ міра. Единство Бога и міра представляетъ сущность монистической философіи. Обѣщавъ, наконецъ, все непознаваемое привести къ неизвѣстному, подобному по всей сущности познаваемому, онъ, какъ раньше было сказано, приводитъ къ закону субстанціи, которая, по его же словамъ, является тѣмъ болѣе таинственной, чѣмъ болѣе ее познаемъ.

Итакъ, его философія никоимъ образомъ не есть

продолженіе науки. Онъ дѣйствительно при ея образованіи пользуется не одними чувствами, но то, что онъ еще беретъ въ качествѣ средства для развитія своей системы, это—элементы метафизики и метафизики матеріалистическо-догматической. „Геккель является живымъ отголоскомъ 19 вѣка, говоритъ Лоджъ,... его голосъ не есть голосъ піонера изъ наступающей арміи. Это — непреклонный подпрапорщикъ, поднимающій крикъ въ отчаяніи тогда, когда его сотоварищи отступаютъ и принимаютъ новое направленіе, ведущее къ болѣе идеалистическимъ доктринамъ“.

До сихъ поръ мы разсматривали монистическую философію въ ея отношеніи къ наукѣ. Оказалось, что она не является завершеніемъ науки, а есть независимая отъ науки догматическая метафизика. Но это одна сторона дѣла. Вѣдь Геккель недовольствуется только тѣмъ, чтобы признать свою монистическую философію завершеніемъ науки, онъ стремится также и къ тому, чтобы поставить ее на мѣсто религіи. Въ религіи онъ видитъ такой вредъ, что онъ не можетъ равнодушно относиться къ ней. Онъ во что бы то ни стало старается уничтожить религію, поставивъ на ея мѣсто свой монизмъ. Въ чемъ же онъ усматриваетъ этотъ вредъ религіи? Основной принципъ религіи Геккель находитъ въ дуализмѣ, который и является величайшимъ зломъ. Религія всегда создаетъ конфликтъ между естественнымъ и сверхъестественнымъ. Богъ пребываетъ надъ міромъ, будучи отдѣленнымъ отъ него. Эта глубокая дуалистичность Бога и міра выражается въ ученіи о конечной цѣли, къ которой направляется жизнь вселенной. Человѣкъ выдѣляется изъ остальной природы, какъ бы не подчиняется всецѣло ея законамъ, отсюда является ученіе объ его свободѣ. Монистическая философія, по мнѣнію Геккеля, разрушаетъ всѣ эти грубыя заблу-

жденія, а разрушая ихъ, она разрушаетъ и основной принципъ религіи. Всякій теологизмъ, думаетъ Геккель, является продуктомъ того ложнаго представленія о мірѣ, по которому оказывается, что этотъ міръ есть инертная машина, которая нуждается въ изобрѣтателѣ Богѣ Творцѣ. Этотъ антропоморфизмъ падаетъ, по мнѣнію Геккеля, когда монизмъ представляетъ міръ бытіемъ одушевленнымъ. Но развѣ не такой же антропоморфизмъ, спросимъ мы Геккеля, надѣлять атомы тѣми свойствами и чувствами, которыми обладаетъ человѣкъ? Развѣ не замѣняетъ здѣсь Геккель вѣру въ Бога вѣрой въ атомы и матерію? Здѣсь подтверждаются слова философа Ренувье, который говоритъ: „осуждая антропоцентризмъ, люди забываютъ, что міръ не можетъ быть чѣмъ нибудь для мыслящаго существа, если мысль не полагается въ центрѣ этого міра“.

Свободная воля, говоритъ Геккель, является простой иллюзіей. Нельзя волю отдѣлять отъ условій ея осуществленія. Всякая дѣятельность строго опредѣлена. Но развѣ въ самомъ Геккелѣ нельзя найти слѣдовъ этой вѣры въ свободу воли, по крайней мѣрѣ въ формѣ вѣры въ возможность свободнаго выбора различныхъ рѣшеній какъ съ своей стороны, такъ и со стороны своихъ читателей. Вѣдь нашъ разумъ, рѣшая извѣстные вопросы, созидаетъ схему той реальности, въ которую онъ вѣритъ, какъ въ нѣчто обязательное для себя, какъ въ истину, которая вскрывается въ немъ не съ механической, а съ разумной логической необходимостью. Выборъ принимаемыхъ имъ положеній дѣлается подъ вліяніемъ этой вѣры въ истину. Мысля, онъ дѣйствуетъ, ибо стремится къ истинѣ и утверждаетъ ее подъ той или другой формой. Онъ неизбѣжно вѣритъ въ то, что эти стремленія и утвержденія сопровождаются

такимъ выборомъ формъ для воплощенія истины, который внѣ этой логической и разумной убѣдительности, сохраняетъ всегда за собой равную возможность принятія: и да, и нѣтъ. И эта вѣра въ равную возможность: и да, и нѣтъ есть вѣра въ свободу выбора, зависимаго только отъ разумной убѣдительности и доказательности. Она напередъ предполагается самимъ авторомъ высказываемыхъ мыслей какъ въ себѣ, такъ и въ тѣхъ, для кого онъ высказываетъ свои мысли. Она составляетъ то необходимое условіе цѣнности и благородства стремленія къ истинѣ, которое надлежитъ уважать во всякомъ мыслителѣ и ученомъ. Такимъ образомъ, тотъ, кто стремится доказать, что его мысль является только продуктомъ механической необходимости, связанной съ чисто матеріальными и физіологическими процессами, совершающимися у насъ въ мозгу, кто силится утвердить и обосновать абсолютный детерминизмъ, тотъ вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Онъ какъ бы хочетъ доказать то, что цѣль его стремленій не имѣетъ никакой цѣны, а слѣдовательно и не заслуживаетъ того, чтобы къ ней надо было стремиться.

Кромѣ того, откуда же можетъ явиться вѣра въ возможность убѣдить другихъ людей въ истинности своихъ воззрѣній, если искренно вѣрить въ то, что убѣжденія суть продуктъ чисто матеріальныхъ и физіологическихъ причинъ? Но однако всякій сторонникъ детерминизма, въ томъ числѣ и Геккель, и самъ мыслитъ, и другихъ старается убѣдить и этимъ скрыто утверждаетъ возможность свободнаго выбора какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ, обращая форму детерминизма въ пустую схему, совершенно несоотвѣтствующую своимъ реальнымъ переживаніямъ. Такимъ образомъ, вѣра въ свободу выбора даетъ смыслъ и значеніе всѣмъ нашимъ стремленіямъ и утвержденіямъ.

И философія, и наука не есть фотографическій снимокъ съ реальности, это—картина, которую рисуютъ мыслители и ученые, вдохновленные вѣрой въ истину. И плохо бываетъ, когда такой художникъ теряетъ это святое вдохновеніе и когда интересы его „я“ становятся на мѣсто вѣры въ свободное служеніе истинѣ.

Истина имѣетъ характерной чертой своей безконечность. Она безконечно превышаетъ все то, что можетъ когда либо сказать о ней человѣческая мысль. Поэтому наша краткая земная жизнь является слишкомъ тѣсной для той дѣятельности, которая связана съ вѣрой въ безконечную истину. Необходимой предпосылкой этихъ стремленій является вѣра въ безсмертіе, ибо какую цѣнность имѣютъ наши стремленія, если и мы сами, и все человѣчество, да и вся наша солнечная система стремимся къ гибели. Смерть прямо противорѣчитъ заложеннымъ въ насъ стремленіямъ и инстинктамъ. Безконечная истина есть та великая цѣнность, въ которую мы вѣримъ и съ которой мы связаны нашими стремленіями и утвержденіями. Она требуетъ вѣчной жизни для осуществленія этого служенія ей. Поэтому вѣра въ истину стоитъ въ связи не только съ вѣрой въ свободу, но и съ вѣрой въ безсмертіе. Отрицаніе безсмертія такъ же, какъ и отрицаніе свободы является тоже пустой схемой, созданной не подъ вліяніемъ вѣры въ Истину, а лишь подъ вліяніемъ личныхъ побужденій и подъ вліяніемъ того несерьезнаго удовольствія или забавы, которую испытываетъ человѣкъ, занимающійся въ силу своего таланта умственными построеніями, какъ шахматной игрой.

Въ своихъ „Міровыхъ Загадкахъ“ Геккель, между прочимъ, возражая противъ безсмертія, договаривается до такой (пошлой) фразы: „какими великолѣпными

красками нарисуйте эту „вѣчную жизнь“ въ раю, въ концѣ концовъ она неминуемо должна будетъ вамъ надоѣсть. А тутъ еще „вѣчность!“ Безпрерывно вести это монотонное существованіе!“

Итакъ, Геккель такъ стремится къ истинѣ, что не стѣсняется существованіе назвать монотоннымъ. Вѣра въ безконечность истины покинула сказавшаго эту фразу. Гдѣ же тотъ экстазъ и вдохновеніе, чѣмъ бываетъ великъ и прекрасенъ истинный мыслитель? Невольно приходитъ на мысль вопросъ о цѣнности и достоинствѣ тѣхъ побужденій, которыми проникнуты изслѣдованія Геккеля, когда авторъ не находитъ въ своей жизни моментовъ, съ высоты которыхъ онъ могъ бы взглянуть въ лицо вѣчности, когда авторъ не находитъ въ себѣ даже потребности къ той безконечной жизни, которая лишь одна можетъ удовлетворить мысль, жаждущую истины, какъ безконечной цѣнности.

Говоря вообще, слѣдуетъ замѣтить, что Геккель силится опровергнуть чисто внѣшнее и поверхностное представленіе о твореніи, о схоластической, совершенно отвлеченной, нежизненной и безразличной свободѣ и о какомъ то грубомъ безсмертіи. Какъ можетъ онъ думать, что онъ опровергаетъ ученіе о твореніи, свободѣ и безсмертіи въ ихъ глубочайшей основѣ? Геккель не хочетъ знать никакой конечной цѣли, кромѣ чисто внѣшней и грубой. Онъ знаетъ только отношеніе фабриканта къ своему продукту. Но развѣ это сверхъестественная концепція? Наоборотъ, думается намъ, что это самая грубая и самая естественная концепція. Богъ въ ней всецѣло уподобляется существамъ природы. Неужели можно думать, что она способна полнымъ и совершеннымъ образомъ представить ученіе о конечной цѣли. Вѣдь философія много вѣковъ трудилась надъ усвоеніемъ

болѣе глубокимъ и внутреннимъ образомъ конечной цѣли, которая была бы не механической, но динамической, не мертвой, но живой, не поверхностно внѣшней, но глубоко внутренней, обнаруженіемъ коей являлись бы и самые законы природы. А развѣ теорія свободы, какъ ее развивали, напримѣръ, Аристотель, Декартъ, Лейбницъ и другіе, похожа на то, что силится опровергнуть Геккель? Развѣ въ этихъ ученіяхъ о конечной цѣли и свободѣ нѣтъ стремленія къ единству? Но, можетъ быть, мы услышимъ отъ Геккеля возраженіе, что эти ученія уклоняются здѣсь отъ религіознаго духа. Это величайшая неправда. Множество религій опирается на признаніе первоначальной связи человѣка съ Богомъ. Религія стремится лишь возстановить эту нарушенную связь и провести ее въ жизнь. „Въ Немъ мы живемъ, движемся и есмы“ — говоритъ Св. Писаніе.

Если же религіи учатъ двойственности, то онѣ смотрятъ на нее какъ на фактъ, а единство въ ихъ глазахъ является тѣмъ, что должно быть.

„Да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ Воля Твоя, яко на небеси и на земли“ — говоритъ молитва Господня. Пусть, стало быть, исчезнетъ тотъ разладъ, который существуетъ между созданіемъ и Господомъ Богомъ.

Итакъ, мы видимъ, что единство есть конечная цѣль, по крайней мѣрѣ, христіанской религіи. А съ другой стороны, и Геккель вѣдь не можетъ обойтись безъ признанія дуализма. Въ дѣйствительности Геккель его глубоко признаетъ. Вѣдь его единая субстанція проявляется въ двухъ противополагающихся сущностяхъ — въ подвижномъ эфирѣ и неподвижной матеріи. Онъ даже полагаетъ, что этотъ дуализмъ могъ бы дать основаніе религіямъ. Эфиръ, по мнѣнію Геккеля, есть творческое Божество, а смертная грубая масса есть матерія творенія. Человѣческая природа,

единая по своей сущности, тоже проявляется въ двойственной формѣ. Съ одной стороны, форма эмоціи, а съ другой — разумъ. Исканіе истины, напримѣръ, требуетъ полнаго исключенія чувства. Да и вообще складъ ума у Геккеля крайне дуалистическій. Вся истина лежитъ на одной сторонѣ, вся ложь на другой. Жизнь человѣка имѣетъ своимъ символомъ Геркулеса на распутьи. И отрицающій свободу Геккель говоритъ здѣсь о необходимости серьезнаго выбора одной изъ двухъ совершенно различныхъ и прямо противоположныхъ сторонъ. Дуализмъ или монизмъ, имманентное или трансцендентное, естественное или сверхъестественное, безразличная свобода или абсолютный детерминизмъ. Такова альтернатива выбора по Геккелю. Итакъ, на самомъ дѣлѣ дуализмъ является той основной точкой зрѣнія, подъ которой Геккель разсматриваетъ человѣческую жизнь. Его нападкамъ подвергается только самое узкое и грубо матеріальное пониманіе религіи, отъ котораго пожалуй откажутся весьма многіе искренніе религіозные люди. Геккель самъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что религіозная потребность является особой потребностью, которая должна быть удовлетворена, не менѣе чѣмъ научная. И вотъ онъ думаетъ достигнуть этой цѣли, созидая свою монистическую философію, которая должна, по его мнѣнію, замѣнить собой религію. На сколько же удачна оказалась такая попытка? Чтобы уничтожить религію Геккель обращаетъ науку въ философію. Для этого онъ присоединяетъ, какъ мы это видѣли, къ наукѣ нѣсколько понятій, взятыхъ изъ догматической метафизики.

Затѣмъ онъ пытается обратить научную философію въ религію, присоединяя къ ней часто религіозный элементъ. Онъ заканчиваетъ свой монистическій символъ вѣры обращеніемъ къ Богу, общему

началу Добра, Истины и Красоты. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать въ человѣкѣ въ его естественной жизни воли, мысли и чувства, присутствіе этой основной психологически необходимой вѣры, но Геккель наивно думаетъ, что она вытекаетъ изъ его монистической философіи. У него нѣтъ живыхъ указаній на то, какъ это происходитъ, и онъ удовлетворяется такими словами: рядомъ съ жестокой борьбой за существованіе современный человѣкъ повсюду встрѣчаетъ слѣды Истины, Добра и Красоты. Здѣсь, конечно, должны возникнуть вопросы: какое отношеніе между этими двумя видами реальности и какъ это выходитъ то, что стоитъ намъ изъ науки узнать, что законъ борьбы за существованіе есть основной законъ жизни, чтобы сейчасъ же оказаться въ состояніи заключить, что Истина, Добро и Красота повсюду присутствуютъ въ мірѣ и должны быть объектами нашихъ желаній и стремленій.

Не являются ли эти утвержденія Истины, Добра и Красоты и стремленія къ нимъ первичнымъ фактомъ нашей духовной жизни, и, съ точки зрѣнія именно ихъ-то, философскія воззрѣнія Геккеля и оказываются никуда негодными. Такимъ образомъ, Геккель ввелъ здѣсь нормативныя понятія сверхъ экспериментальныхъ и съ опытно-научной точки зрѣнія субъективнымъ побужденіямъ нашего сознанія приписалъ объективное значеніе. Но субъективное велѣніе, возведенное въ реальное познаніе, вѣдь и есть ни что иное, какъ откровеніе. Включивъ элементъ, аналогичный религіозному откровенію, Геккель можетъ приписывать намъ стремленія къ Истинѣ, Добру и Красотѣ, при этомъ онъ воплощаетъ эти стремленія и утвержденія въ ту негодную и несоотвѣтствующую высочайшему объекту этихъ стремленій форму, каковой является его система.

Развѣ Богъ по религіозному ученію не является полнотой Истины, Добра и Красоты? Эти глубокія идеи, составляющія объектъ природной религіозной вѣры людей, никогда не могутъ явиться исчерпанными понятіями, вродѣ треугольника или позвоночнаго животнаго, говоритъ французскій философъ Бутру.

Всѣ метафизическія и религіозныя воззрѣнія вызваны чудесной природой этихъ величайшихъ объектовъ, которые не даны матеріально, но понятіе о которыхъ умъ старается опредѣлить въ безконечномъ прогрессѣ, поднимаясь надъ самимъ собой и стараясь утвердить связь съ тѣмъ, кого мы называемъ Богомъ. Мы вѣримъ въ безконечность Истины, и эта вѣра есть залогъ безконечныхъ нашихъ стремленій къ ней. Мы вѣримъ въ ея реальность, и это есть залогъ непрерывности нашихъ утвержденій ея подъ той или другой формой.

Но выбирая форму, будемъ помнить о первоначальномъ импульсѣ нашихъ мыслительныхъ стремленій, чтобы эта форма не оказалась кощунственной и низкой.

Трудно сказать, къ какой морали и религіи привела бы философія Геккеля, если бы позднѣе онъ не присоединилъ къ ней постороннюю и невяжущуюся съ ней, но въ то же время и естественную для человѣка вѣру въ Истину, Добро и Красоту. Вѣдь его философія настаивала на основномъ единствѣ всѣхъ существъ, на универсальномъ механизмѣ, на фатальности борьбы за существованіе, на ничтожествѣ нашихъ субъективныхъ убѣжденій, на абсолютной солидарности, связывающей каждое существо со всей вселенной. Можно ли изъ этихъ принциповъ вывести нѣчто похожее на то, что мы называемъ свободой, цѣнностью личности, человѣчностью, братствомъ, стремленіемъ къ идеалу? Всѣ эти высокія по-

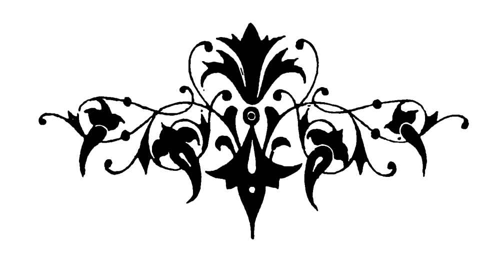
нятія дѣлаются пустыми словами, теряющими всякій смыслъ.

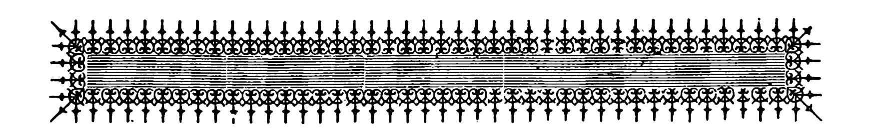
Достаточно мысли о безконечномъ пространствѣ и времени, говоритъ Геккель въ одномъ мѣстѣ своихъ „Міровыхъ Загадокъ“, чтобы понять все наше ничтожество. Но здѣсь невольно вспоминаются слова Паскаля: величіе человѣка столь очевидно, что выводится даже изъ его ничтожества. Вѣдь идея безконечнаго составляетъ столь существенную черту нашего духа, что онъ всюду стремится внести ее. Онъ инстинктивно утверждаетъ ее и въ числѣ, и во времени, и въ пространствѣ. Онъ дѣлаетъ это, не взирая на связанныя съ этимъ логическія противорѣчія, представляющіяся ему съ точки зрѣнія конечнаго мышленія. Но будемъ помнить, что если и есть въ насъ склонность воплощать свое вѣрованіе въ дѣйствительность безконечнаго въ наши теперешнія формы познанія и представленія, то эти послѣднія вовсе не есть что то, абсолютно связанное съ природой вещей. Будемъ помнить прекрасныя слова Гердинга: бытіе можетъ обладать аттрибутами, которые совершенно недоступны и неопредѣлимы въ тѣхъ измѣреніяхъ, въ которыхъ можетъ вращаться наша мысль.

Будемъ помнить, что истина безконечно превышаетъ все то, что можетъ сказать о ней человѣческая мысль и что за всѣми формами нашего познанія и мышленія стоитъ первоначальный актъ, въ которомъ мы утверждаемъ истину, какъ нѣчто дѣйствительно сущее и въ которомъ мы стремимся къ ней, какъ къ чему то безконечному. Ни въ комъ изъ смертныхъ не вскрывалась въ глубочайшей своей сущности эта святая истина. Одинъ лишь Первенецъ отъ мертвыхъ—Христосъ могъ назвать Себя Истиной. „Я есмь Путь, Истина и Жизнь“, сказалъ Онъ. И ученый такъ же, какъ и обыкновенный человѣкъ,

долженъ почувствовать то безконечное, божественное и нравственное величіе, которое дало право Іисусу Христу сказать эти слова. Ученый такъ же, какъ и простой человѣкъ, долженъ вдуматься въ слова Богочеловѣка, а не отходить отъ Него, подобно Пилату, съ поверхностнымъ вопросомъ: что есть Истина, чтобы сейчасъ же затѣмъ умыть руки и продолжать путь своей грѣховной и порочной жизни.

Н. Соловьевъ.

Путь правды.

Узокъ, тѣсенъ мой путь, — но прямой,
Я окольнымъ путемъ не пойду;
Пусть тернистъ онъ и мраченъ порой,
Но въ концѣ правды свѣта я жду.

Не гибка моя рѣчь, не новы въ ней слова;
Но она и пряма и правдива,
Отъ нея у иныхъ, слышь, болитъ голова,
Говорятъ: не довольно красива.

Простъ и скроменъ мой бѣдный нарядъ,
Незатѣйливыхъ рукъ онъ созданье,
Но онъ чистъ и безъ пятенъ, хотя и наврядъ
Привлечетъ красотой чье вниманье.

Не замѣтенъ иду я по жизни пути,
Но очей ни предъ кѣмъ не склоняю,
И покой, что другимъ не найти,
Неизмѣнно въ душѣ сохраняю.

Но на свѣтѣ мы знаемъ иной
Путь — широкій; онъ въ гору ведетъ,
А вокругъ той путины большой
Рядъ тропинокъ окольныхъ ведетъ.

По тому ли пути, заурядъ день и ночь,
Тьма народу взбирается въ гору.
Гладокъ путь, но и скользокъ не въ мочь
И не мало летятъ внизъ съ измору.

Каждый мѣтитъ повыше, впередъ,
Тамъ забраться, другого толкаетъ
Или ищетъ пролѣзть не въ чередъ,
Иль сторонкой спѣшитъ, обгоняетъ.

Тьма богатыхъ палатъ и дворцовъ,
На горѣ той, соблазномъ, поставлено,
Пѣнье слышно веселыхъ пѣвцовъ,
Звонъ бокаловъ,—все къ празднику справлено.

Много вкрадчивыхъ словъ и красивыхъ рѣчей
На пути томъ порой раздается,
Но обманутъ тотъ будетъ ей, ей!
Кто, повѣривъ,—душой отзовется.

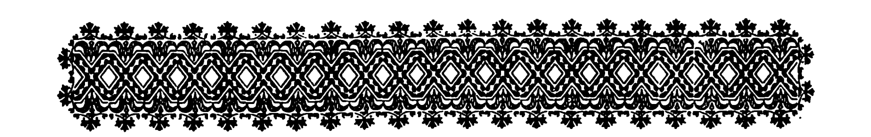
И все пышный, красивый на видъ,
На ту гору народъ собирается,
Золотое шитье тамъ нерѣдко блеститъ,
Но въ пути-то, глядишь, осыпается.

И сквозь вѣчнаго праздника звонъ
Ликованье и крики побѣдные,
Мнѣ порою тамъ слышится стонъ,
То—забытыя души ихъ бѣдныя.

Нѣтъ! хоть тѣсенъ мой путь—но прямой,
Я окольнымъ идти не хочу,
Пусть тернистъ онъ и мраченъ порой,
Но въ концѣ правды свѣтъ я найду.

Александръ Аксаковъ.

Забытыя сокровища [1].

Современная мысль, какъ и современная жизнь, поражаютъ всякаго вдумчиваго наблюдателя однимъ и тѣмъ-же характернымъ для нихъ признакомъ: мысль удивительно мелка, жизнь лишена послѣдовательности, твердо намѣченныхъ цѣлей, определенно поставленныхъ задачъ.

Недавно раздавался общій крикъ: нѣтъ людей,— теперь все чаще слышатся голоса: нѣтъ мысли и, наконецъ, раздается совсѣмъ отчаянный голосъ: „жизни нѣтъ"

Явленіе это тѣмъ болѣе поразительно, что въ сравнительно недавніе дни мы были оглушены цѣлымъ рядомъ событій, которыя должны были заключать въ себѣ всѣ признаки героизма и вести къ могучимъ послѣдствіямъ. Еще такъ недавно мысль, завоевавшая себѣ полную свободу внѣшняго выраженія, могла развернуться во всю ширь человѣческаго генія и явить міру неизвѣданныя глубины человѣческаго духа, неудержимый полетъ познающаго разума.

На дѣлѣ нѣтъ мысли и нѣтъ жизни.

---

[1]) Настоящая статья является введеніемъ къ ряду очерковъ, имѣющихъ задачей возстановить въ памяти читателей „Братской Жизни" могучіе образы, сильныхъ цѣльностью міросозерцанія, богатыхъ творческою мыслью великихъ работниковъ-строителей, которыми еще недавно была богата русская жизнь. *Ред.*

Почему?

Всмотритесь въ то, что происходило передъ нашими глазами и прислушайтесь къ вѣковѣчному требованію, немолчно звучащему въ каждой человѣческой душѣ, милліонами голосовъ заявляющему себя въ жизни каждаго народа и всего человѣчества. Этотъ голосъ говоритъ, что жизнь есть творчество рѣшительно во всемъ: крохотная былинка въ полѣ, ползущій червь, полная красоты и изящества птица, поражающій силой и ловкостью звѣрь, властвующій надъ всѣмъ міромъ разумный и глубоко одухотворенный человѣкъ — всѣ они и каждый въ отдѣльности сознательно и безсознательно, но непрерывно творятъ. Былинка и червь, звѣрь и птица, мертвые комочки матеріи, превращаютъ въ живыя части своего организма, полныя внѣшней красоты и внутренней цѣлесообразности. Мысль и воля здѣсь слиты во-едино, хотя и стоятъ какъ будто бы внѣ творящаго субъекта, но плодъ творчества такъ великъ и прекрасенъ, что всякій, подошедшій къ природѣ съ открытыми глазами, поражается ея разумомъ и могуществомъ, падаетъ ницъ передъ ея силою. Предъ нею склоняется наивный разумъ первобытнаго человѣка, готовый видѣть во всякомъ явленіи невѣдомое ему то страшное, то милостивое божество.

Гордый человѣческій разумъ, вооруженный всѣми средствами и способами строго провѣреннаго научнаго познанія, раскрывая великую книгу природы и углубляясь въ ея тайны, все болѣе и болѣе познаетъ ея необъятность, все менѣе чувствуетъ возможность овладѣть всѣми ея глубинами.

Христіанскій разумъ, руководимый свѣтомъ познанія о Богѣ, разумѣ и любви, съ нескончаемымъ благоговѣніемъ склоняется передъ великимъ творчествомъ природы, чувствуя себя малою крупицею ве-

ликаго разумнаго бытія, сознавая свою неразрывную связь съ вѣчною любовью.

Такъ идетъ вся жизнь. Но творчество всегда и вездѣ сопряжено съ борьбою и даже простой горшокъ, вылѣпленный изъ куска глины, стоилъ труда и усилій для того, чтобы безформенная глыба земли превратилась въ нѣчто полезное и цѣлесообразно построенное. Въ этой неизбѣжной борьбѣ съ безформенной массой, ее нужно было разрушить во имя будущаго созиданія.

Это разрушеніе во имя созиданія, эта борьба ради идущаго за нимъ творчества, идетъ всюду: борется и разрушаетъ былинка, созидая свой стебель и увѣнчивающій его цвѣтокъ; борется и разрушаетъ звѣрь и птица, созидая самихъ себя и свою жизнь; борется и разрушаетъ человѣкъ и чѣмъ глубже его творчество, чѣмъ геніальнѣе созиданіе, тѣмъ больше разрушенія и борьбы вноситъ онъ въ жизнь, пока изъ груды обломковъ не выростетъ созданіе, достойное изумленія его и преклоненія всего человѣчества передъ необъятными силами, вложенными въ человѣческую душу.

Но ничто живое не можетъ существовать и, еще болѣе того, не можетъ творить, начиная творчество сначала изъ ничего: Богомъ человѣку быть не дано. И человѣку, и природѣ суждено идти отъ накопленнаго опыта, отъ нажитыхъ сокровищъ. Въ нихъ черпаютъ они силу, въ нихъ находятъ исходныя точки новыхъ путей, грядущаго развитія.

Все пережитое нами въ недавніе дни тѣмъ и ужасно, что въ немъ была только одна половина великаго мірового процесса: было разрушеніе, но не было творчества.

Страшный вихрь, родившійся въ темныхъ глубинахъ человѣческаго духа, подогрѣтый злою созна-

тельною волей, нашедшій богатую почву въ несовершенствахъ жизни и ошибкахъ людей, ворвался въ наше бытіе, огненнымъ крыломъ испепелилъ все, къ чему прикасался и умчался прочь, оставивъ мертвую пустыню. Среди этой пустыни слышатся стоны и вопли: нѣтъ мысли, нѣтъ жизни. И тѣмъ горше эти вопли, тѣмъ прискорбнѣе стоны, что разрушительный вихрь казался побѣднымъ шествіемъ человѣческаго разума, могучимъ размахомъ свободнаго творческаго генія.

Но въ чемъ-же было творчество?

Въ религіи—этой неискоренимой основѣ всякой жизни? Здѣсь не только не творили ничего новаго, но и старое, нажитое вѣковымъ опытомъ, было объявлено невѣжествомъ, обманомъ или, еще того хуже, эксплоатаціей.

Въ національности — какъ многовѣковой сокровищницѣ труда и страданій, силы и творчества цѣлыхъ поколѣній долгихъ вѣковъ? Національность была объявлена дикимъ предразсудкомъ неразвитыхъ людей, плодомъ злобы и ненависти, безсмысленно раздѣляющимъ человѣчество на враждебные лагери.

Въ государственности — какъ разумномъ результатѣ вѣковыхъ усилій обезпечить жизнь каждому и обезпечить слабѣйшаго отъ анархическаго произвола силы?

Государственность была объявлена образцомъ тягчайшаго произвола и безграничнаго насильничества, а необходимое и разумное подчиненіе личной воли общему порядку—презрѣннѣйшимъ видомъ рабства.

Въ области художественнаго творчества,—гдѣ въ краскахъ, въ металлѣ, въ камнѣ, въ человѣческомъ словѣ воплощалась красота мысли и чувства, откры-

валось все болѣе широкое пониманіе человѣческой души?

Художество потонуло въ анархическомъ порывѣ, гдѣ борьба со старой формой перешла въ отрицаніе всякой формы; гдѣ лучшій даръ Бога человѣку— разумное слово — превратилось въ безсмысленный, безобразно вымученный и безстыдный лепетъ.

Но быть можетъ, было творчество въ личной жизни, въ личныхъ характерахъ?

Увы,—отрицаніе всего человѣческаго духа и всей человѣческой жизни въ ея глубочайшихъ проявленіяхъ сказалось несмываемымъ позоромъ мелкихъ преступленій, достойныхъ полицейскаго участка и полицейскаго протокола.

Жить, только разрушая, и мыслить, только отрицая—нельзя.

Современная жизнь и яркими проблесками разумнаго сознанія, и самымъ своимъ ходомъ настойчиво требуетъ положительной работы, немолчно зоветъ къ положительнымъ и свѣтлымъ идеаламъ.

Гдѣ-же ихъ взять?

Среди насъ нѣтъ геніевъ ума, которые могучей мыслью и пламеннымъ словомъ открыли-бы намъ новые пути жизни, развернули широкій путь творческой работы.

Среди насъ нѣтъ героевъ дѣла, которые нашъ будничный сѣрый, такой крохотный и кажущійся безнадежно ничтожнымъ трудъ объединили-бы въ одно могучее дѣло созиданія общаго счастья.

Среди насъ ихъ нѣтъ. Но не будемъ дѣлать той ошибки, которая только-что сдѣлана на нашихъ глазахъ: не скажемъ, что у насъ ничего не было, что въ нашемъ прошломъ нѣтъ здоровыхъ корней для разумнаго и плодотворнаго будущаго.

Могучій геній Россіи въ благословенномъ твор-

чествѣ слова выдвинулъ такихъ геніевъ, далъ столько работниковъ не только осмысливших пути жизни, но и сумѣвшихъ въ каждомъ своемъ шагѣ показать, какъ разумная мысль претворяется въ неменѣе разумное дѣло. „Бываютъ люди,—говоритъ Кони,— уважаемые и въ свое время полезные. Они честно осуществляли въ жизни все, что имъ было дано, но затѣмъ, по праву усталости и возраста, сложили поработавшія руки и остановились среди быстро бѣгущихъ явленій жизни, какъ пограничные столбы былого труда и былого нравственнаго вліянія. Новое поколѣніе проходитъ мимо, глядя на нихъ, какъ на почтенные остатки чуждой имъ старины; живая связь между ихъ замолкнувшею личностью, вопросами, и потребностями дня утрачена или не чувствуется,—и сердце ихъ, когда-то горячее и отзывчивое, бьется инымъ ритмомъ, безгласное и безучастное къ явленіямъ окружающей дѣятельности. Холодное уваженіе провожаетъ ихъ въ могилу, и больное чувство незамѣнимой потери, незамѣстимаго пробѣла не преслѣдуетъ тѣхъ, кто возвращается отъ этой могилы, такъ какъ имъ пришлось засыпать въ ней усопшаго, который уже давно не былъ живымъ отголоскомъ ихъ нравственныхъ тревогъ и упованій.

Но есть и другіе люди—немногіе, рѣдкіе. Въ битвѣ жизни они не кладутъ оружія до конца. Ихъ воспріимчивая голова и чуткое сердце работаютъ дружно и неутомимо, покуда въ нихъ горитъ огонь жизни. Они умираютъ, какъ солдаты въ ратномъ строю на дѣйствительной службѣ, не увольняя себя ни въ запасъ, ни въ безсрочный отпускъ и, уже чувствуя дыханіе смерти, холодѣющими устами еще шепчутъ свой нравственный пароль и лозунгъ. Жизнь часто не щадитъ ихъ—и на закатѣ дней, въ годы обычнаго для всѣхъ отдыха и квіетизма, наноситъ

ихъ усталой и стойкой душѣ тяжелые удары. Но зато — ничто изъ области живыхъ общественныхъ вопросовъ не остается имъ чуждымъ.

Вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, они дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итого мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, бодрые и поучительные до конца. Они не переживали себя, ибо жить для нихъ не значитъ существовать, да порою обращаться къ своимъ нерѣдко богатымъ воспоминаніямъ. Ихъ чуждый личныхъ расчетовъ внутренній взоръ всегда съ тревожною надеждой устремленъ въ будущее и въ ихъ богатой душѣ всегда найдутся стороны, которыми она тѣсно соприкасается съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго общества".

Отъ мертвящаго вихря безнадежнаго отрицанія, въ тоскливыхъ скитаніяхъ за поисками истинныхъ путей мысли и дѣла, безсильные однимъ только своимъ порывомъ направить свою искалѣченную мысль и поддержать расшатанную волю, мы должны вернуться къ нашей, богатѣйшей въ мірѣ, но, увы, забытой въ современной сутолокѣ сокровищницѣ недавняго прошлаго русской мысли и жизни. Кто хоть одинъ разъ, развернувши творенія А. С. Хомякова, можетъ забыть величавую широту его мысли, любовное проникновеніе въ самую глубь историческихъ русскихъ идеаловъ, кого не поразитъ ясность сознанія, строгость мысли и безграничная младенческая вѣра въ Бога.

Но за нимъ идетъ цѣлая плеяда. Взявшись за Хомякова, нельзя забыть Киріевскаго, нельзя пройти мимо братьевъ Аксаковыхъ...

Но, войдя въ храмъ русской мысли, развѣ вы

можете пройти мимо иконописнаго лика Вл. Соловьева, этого младенца въ жизни, величайшаго среди русскихъ философовъ, можетъ быть даже единственнаго философа въ строгомъ смыслѣ этого слова, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокаго общественнаго мыслителя съ поразительно чистою и неподкупною мыслью.

Вы не можете забыть того лучшаго дара, посланнаго Богомъ русской землѣ, который носитъ безсмертное нынѣ имя Федора Достоевскаго. Онъ пережилъ и перестрадалъ всю нашу жизнь; онъ разсказалъ намъ нашу душу, во всѣхъ ея сторонахъ, такъ, что ни одно чуткое сердце не въ силахъ раскрыть его безсмертныхъ твореній и не затрепетать величайшимъ покаяннымъ трепетомъ, сознавая на себѣ всю необъятную тяготу „смраднаго грѣха"—не можетъ не забыться горячимъ умиленіемъ и пламеннымъ восторгомъ, возведенное на тѣ высоты пророческаго прозрѣнія, гдѣ слышны ангельскіе голоса и человѣческій духъ забываетъ свои границы въ неудержимомъ порывѣ къ Богу...

Прислушайтесь къ такимъ работникамъ и талантамъ, какъ Чичеринъ и Градовскій, пересмотрите вновь труды Погодина, оглянитесь на Пирогова — плоды ихъ мысли, и дѣла ихъ рукъ у насъ передъ глазами.

Эти труженики знали Россію, помнили ея прошлое, провидѣли ея будущее. Они безгранично любили свой народъ, безмѣрно цѣнили его таланты и Божьи дары; жгучими слезами и пламеннымъ словомъ стремились смыть его тяжкіе и темные грѣхи; работали не покладая рукъ; открыли намъ пути, которыхъ ничто не въ силахъ намъ закрыть, ибо это пути самой жизни; создали идеалы, которыхъ мы не въ силахъ уничтожить, ибо это творчество самого генія народнаго; создали дѣла, которыхъ никакія вихри не потрясутъ и не разрушатъ.

О, и сами они боролись и разрушали! Съ пламенною любовью къ жизни, съ безграничной скорбью о разъѣдающемъ ее злѣ, они разрушали все, что давала эта жизнь, все, что мѣшало Россіи расти и развиваться ея сильнымъ побѣгамъ; и имъ не даромъ давался каждый завоеванный ими шагъ, малѣйшій достигнутый успѣхъ,—горечью слезъ, тяготою незаслуженныхъ обидъ, мучительствомъ ненужныхъ и своекорыстныхъ препятствій платили имъ за то благо, которое вносили они въ жизнь.

И оставили намъ сокровище...

А мы... мы его забыли такъ постыдно, какъ это дѣлаютъ или легкомысленныя дѣти, или пресыщенные своимъ богатствомъ люди, которые въ самой сытости способны голодать.

Наступилъ тяжкій моментъ испытанія, когда мы, надѣленные всѣми лучшими дарами Божьими, должны были развернуть всѣ силы разума и воли, использовать все богатство трудового опыта, весь неисчерпаемый запасъ исторически нажитого.

Въ ядовитомъ туманѣ мы отвергли все, и прежде всего и больше всего мы отвергли сами себя.

И вотъ результатъ: мы, какъ нищіе у дороги, жалобно ноемъ, показывая свою оголодавшую душу, просимъ подаянія у всякаго прохожаго и тянемъ одну тоскливую пѣсню: мысли нѣтъ, жизни нѣтъ.

Мысли нѣтъ — но она была и не можетъ быть, чтобы этотъ великій источникъ такъ безслѣдно и безпричинно изсякъ. Оглянитесь назадъ, къ тѣмъ великимъ труженикамъ русской мысли, которые неустанно работали надъ ея развитіемъ, оставили намъ безцѣнныя богатства своего труда, которые умѣли мыслить и, наслаждаться великимъ творчествомъ разума, жалѣли только объ одномъ, что не дано единичному человѣческому уму исчерпать этотъ необъятный океанъ.

Мы разучились мыслить, мы размѣняли нашу мысль на отрицаніе ради отрицанія, на злобную придирчивость, вмѣсто глубокаго, трезваго обсужденія; мы разучились творить, ибо это тяжелый трудъ, предпочитая разрушать, такъ какъ для этого даже и ума не требуется.

Горькіе плоды мы пожинаемъ теперь, и если не хотимъ ихъ видѣть въ будущемъ—единственный путь и способъ: отбросить гордое отрицаніе, ставшее слишкомъ часто простымъ озорствомъ не сознающаго себя невѣжества и смиренно вернуться къ великимъ русскимъ труженикамъ, вернуться съ горькой слезой покаянія и съ пламеннымъ желаніемъ учиться у тѣхъ, кто въ дѣло творческой мысли вложилъ всѣ силы своего духа.

Эти труженики знали прошлое своей родины, понимали ея настоящее, видѣли будущее — и имъ некогда было плакать и жаловаться, не было времени приходить въ отчаяніе, казалось преступнымъ изнывать въ тоскѣ, когда кругомъ и впереди такъ много важнаго, слишкомъ много неотложнаго и нужнаго дѣла.

Мы ноемъ: нѣтъ жизни, нѣтъ людей.

И это слишкомъ понятно. Когда мы отвергли самое цѣнное и дорогое въ мысли; когда мы осудили самое дорогое въ жизни и отбросили его, какъ нелѣпый хламъ; когда мы отказались отъ всѣхъ путей, отъ всего историческаго опыта, — конечно, жизни не стало, потому, что мы перестали ее понимать, какъ неустанный тяжелый трудъ, какъ борьбу, гдѣ успѣхъ дается очень рѣдко, гдѣ каждый шагъ долженъ быть завоеванъ творчествомъ въ нашей душѣ, а затѣмъ, творчествомъ нашихъ рукъ — мы сами себя вывели изъ жизни, перестали ее понимать—и въ тоскливомъ ничего недѣланіи ждемъ чуда.

Людей нѣтъ!

И не можетъ быть, потому что живыхъ настоящихъ тружениковъ, корнями вросшихъ въ родную землю, всѣми своими фибрами привязанныхъ къ ея быту и исторіи, всею глубиною духа и всѣмъ пламенемъ сердца любящихъ свое родное и близкое, мы отвергли, какъ ненужный пережитокъ и, конечно, не находимъ людей, потому что отъ живыхъ отворачиваемся, а одной мечтой распаленнаго воображенія ничего живого не создашь. Вернемтесь къ тѣмъ, кто жилъ и работалъ, посмотримъ на ихъ трудъ, узнаемъ, какъ и за что боролись и страдали они, полюбимъ ихъ любовью все то, къ чему было привязано ихъ сердце,—въ ихъ стойкости найдемъ опору и поддержку нашей слабости.

Это нужно намъ, всѣмъ намъ, всему русскому обществу, такъ безпомощно тоскующему послѣ пережитаго ужаса и разрушенія.

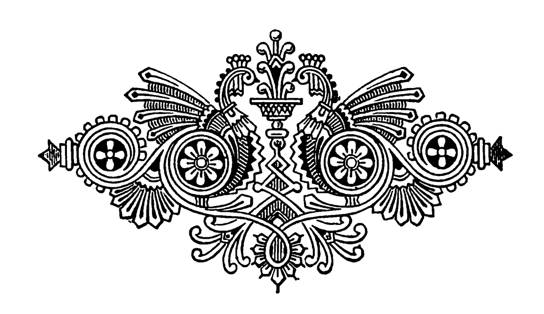
Но свою жизнь намъ не поднять, мы не въ силахъ теперь дать тотъ пышный расцвѣтъ, который она могла и должна была дать, если-бы мы во время были разумными, если-бы мы не теряли даромъ ни единаго трудового часа.

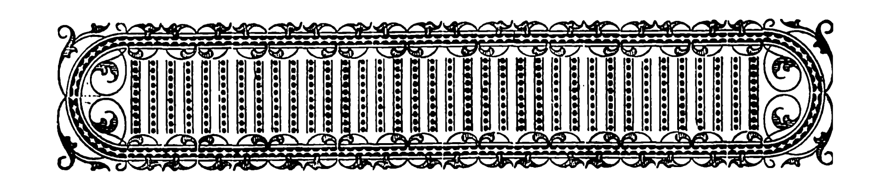
Намъ прошлаго не вернуть и будущаго не дождаться, но за нами идутъ наши дѣти; мы не смѣемъ оставить ихъ безъ поддержки, мы не можемъ имъ дать себя въ руководители, такъ какъ мы сами слишкомъ постыдно сбились съ пути. Будетъ преступленіемъ скрыть отъ нихъ то величайшее сокровище, которое мы легкомысленно забыли и преступно не использовали.

Откроемъ это сокровище грядущимъ поколѣніямъ, отдадимъ его малымъ симъ, чьи жемчужныя души еще не отравлены ядомъ, сгубившимъ насъ. Раскроемъ передъ ними величавую картину русскаго творчества,

покажемъ во весь ростъ тѣхъ, кто жилъ и мыслилъ, трудился и творилъ, страдалъ и боролся, безгранично любя и свой народъ, и великую страну и, внося неоцѣненное сокровище для Россіи, оставилъ безцѣнные вклады русскаго генія и для всего человѣчества.

І. Никаноровъ.

Отверженный.

Изъ набросковъ тюремнаго дѣятеля.

Судъ приговорилъ Блудищева къ тремъ годамъ исправительныхъ ротъ. Мрачный и озлобленный вернулся онъ въ тюрьму. Ему предстояла отправка въ то же арестантское отдѣленіе, гдѣ онъ уже два раза отбывалъ наказаніе. Воспоминанія были не радостныя, и его охватили ужасъ, отчаяніе и злоба...

На другой день, во время утренней провѣрки, на надзирателя Симашко было произведено нападеніе. При входѣ въ одну изъ камеръ, на него бросился одинъ изъ арестантовъ и ранилъ его ножемъ въ лѣвый бокъ. Оказалось, что звѣрскій ударъ нанесъ поджидавшій его у двери Блудищевъ. Ножъ по счастію скользнулъ внизъ и рана, хотя и глубокая, оказалась не смертельной.

Симашко былъ добродушный, ладившій всегда съ арестантами, надзиратель. Съ Блудищевымъ у него не было тоже ни ссоры, ни счетовъ. Преступленіе являлось загадочнымъ. Обливавшагося кровью надзирателя унесли. Сидѣвшіе въ одной камерѣ съ Блудищевымъ арестанты въ ужасѣ сбились въ одинъ уголъ, а самъ убійца, какъ дикій звѣрь, бѣгалъ въ другой сторонѣ за нарами, размахивая окровавленнымъ ножемъ.

— Не подступайся убью! кричалъ онъ изступленно, при малѣйшей попыткѣ кого-либо двинуться въ его сторону.

Это былъ маленькій, невзрачный человѣкъ съ рябымъ безусымъ лицомъ, скорѣе комическимъ, чѣмъ наводящимъ ужасъ.

Дали знать о событіи по телефону инспектору, его помощнику и другимъ властямъ. Первымъ пріѣхалъ помощникъ инспектора, немолодой, но еще только что знакомящійся съ тюремнымъ дѣломъ человѣкъ. Онъ попытался образумить злодѣя словами, не прибѣгая къ силѣ, но на изступленнаго преступника убѣжденія видимо не дѣйствовали.

— Не сдамся, живымъ не сдамся! Убью! ревѣлъ онъ, не слушая того, что говорилъ ему помощникъ.

— Смирно! Ножъ прочь! неожиданно раздалась команда инспектора, появившагося въ эту минуту въ дверяхъ камеры. Повелительные звуки голоса этого опытнаго тюремнаго дѣятеля, произвели сразу магическое дѣйствіе. Изъ руки злодѣя, какъ бы загипнотизированнаго, ножъ полетѣлъ въ сторону, и онъ отдался покорно въ распоряженіе надзирателей.

— Кандалы на ноги и на руки, и живо въ карцеръ,—распоряжался инспекторъ. И Блудищева, который не оказывалъ ни тѣни сопротивленія, заковали въ кандалы.

— Ну, ты доволенъ теперь? укоризненно и съ ироніей проговорилъ инспекторъ.

— Доволенъ, — отвѣтилъ закованный арестантъ и его увели въ карцеръ.

Увѣренный тонъ этого отвѣта и дѣйствительно удовлетворенный и успокоенный видъ арестанта, послѣ того, какъ на него надѣли тяжелыя кандалы, глубоко поразили и заинтересовали помощника инспектора. Рутина еще не успѣла наложить мертвящую руку на его сердце и умъ.

— Что это? Откуда это героическое спокойствіе у человѣка, совершившаго безсмысленный и злодѣйскій поступокъ? Эту загадку положительно необходимо разъяснить,—надо же знать намъ съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло,—вѣдь это не нумера какіе-то, а люди, наконецъ!—размышлялъ онъ и въ тотъ же день вечеромъ пріѣхалъ опять въ тюрьму и направился къ карцеру, гдѣ былъ посаженъ Блудищевъ.

Загремѣли засовы, открылась тяжелая дверь и онъ очутился наединѣ съ злодѣемъ въ каменномъ мѣшкѣ, слабо освѣщенномъ сверху маленькимъ рѣшетчатымъ окошкомъ. Арестантъ лежалъ на полу; при входѣ помощника инспектора онъ тяжело поднялся, загремѣвъ цѣпями.

— Доволенъ ты теперь? съ какимъ-то недоумѣніемъ въ голосѣ повторилъ вошедшій утренній вопросъ инспектора.

— Доволенъ Ваше-діе!—также твердо, увѣренно и безъ злобы отвѣтилъ арестантъ.

— Чѣмъ же, скажи, пожалуйста, ты доволенъ, несчастный? Тѣмъ-ли, что чуть не убилъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, или тѣмъ, можетъ быть, что пойдешь теперь на каторгу? переспросилъ помощникъ инспектора.

Арестантъ молчалъ, лицо его сдѣлалось мрачно.

— Да мнѣ дорога теперь прямая... пойду на каторгу. Болѣе уже идти некуда... Доволенъ я, дюже доволенъ! проговорилъ онъ наконецъ и голосъ его дрогнулъ и зазвенѣлъ, подъ вліяніемъ вырвавшагося наконецъ наружу чувства.

— Послушай... не понимаю тебя, — заговорилъ помощникъ инспектора и почувствовалъ, что что-то невольно поворачивается въ его душѣ и, къ его великому удивленію, влечетъ къ этому злодѣю, къ этому звѣрю и убійцѣ, тяжелое дыханіе котораго

онъ слышитъ совсѣмъ близко отъ себя, ему становится почему-то яснымъ въ эту минуту, что въ груди этого преступника таится тяжелое, давно накопившееся страданіе, онъ понялъ какимъ-то внутреннимъ чутьемъ, что надъ жизнью этого человѣка, очевидно, тяготѣетъ великая несправедливость судьбы, смягчающая ужасную вину его.

— Неужели и въ правду пролилъ ты неповинную кровь для того только, чтобы пойти на каторгу? — воскликнулъ онъ.

— Да! Ужъ больно надоѣли мнѣ арестантскія-то роты: третій разъ въ нихъ попадаю. Будетъ съ меня. Довольно. Пора, значитъ, и въ старшій чинъ произойти—на каторгу угодить. У кажиннаго человѣка своя планида, своя значитъ линія. Кому, къ примѣру сказать вамъ, оклады хорошіе, чины да награды, а можетъ и счастіе выпадаютъ; а мнѣ на мой пай, окромя побоевъ, ругани, наказаніевъ разныхъ да тюрьмы, ничего не досталось! Жизнь моя въ тюрьмѣ, почитай, началась, — на каторгѣ видно ей и кончиться...

— А надзирателя за что же убить хотѣлъ? что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— На него зла у меня не было, хотя и ненавижу я, какъ собакъ, всю ихъ породу: ужъ больно много отъ нихъ натерпѣлся... однако убить не потому собрался, а такъ, — одно слово, значитъ, на каторгу захотѣлось.

— Не пойму, не пойму я тебя, растолкуй мнѣ... заговорилъ опять мягко помощникъ инспектора.

— Чего толковать-то? Ваше дѣло пороть, да въ карцеръ сажать насъ, а распросами-то и слѣдователь замучаетъ. Вамъ, сытымъ, да чистымъ, благороднымъ-то людямъ и не понять нашей жизни. Родитесь вы въ богатыхъ хоромахъ, пеленаютъ васъ

няньки да мамки въ кружева, да шелки разные, а мы темные люди въ грязи зачаты, грязью повиты, голодомъ да преступленіемъ вскормлены. Такъ гдѣ-жъ вамъ понять? Наша жизнь совсѣмъ особая, скверная, черная,— ха! ха! ха! — засмѣялся онъ злобно. —Вотъ, извѣстное дѣло, вамъ и непонятно.

— Нѣтъ, все же растолкуй, раскажи толкомъ! тебѣ-же можетъ быть легче станетъ...

— Ну, будетъ! Что это, попъ вы что-ли? Да убирайтесь вы къ ч...,—но въ мягкомъ взглядѣ помощника блеснула какая-то искра, которая заставила арестанта сразу перемѣнить тонъ.—Ну, будь по вашему, сказалъ онъ.—Растолкую я вамъ, какъ умѣю, жизнь свою. Слушайте!..

Родился я, съ позволенія сказать, въ б..., въ „веселомъ домѣ“ значитъ,—мать гулящая была. Отъ того и свое призваніе получилъ. Такъ зачалась моя жизнь горемычная. Лѣтъ до восьми толкался между бабами развратными, да пьяными гостями... Ну и насмотрѣлся грязи, натерпѣлся побоевъ, а ужъ ругани наслушался столько, что другой и во всю жизнь не услышитъ того. Когда пошелъ мнѣ девятый годъ, свезли мать въ госпиталь... Дурной болѣзнью значитъ заразилась, тогда и меня выгнали на улицу. Тутъ впервой я съ голоду и своровалъ что-то, а тамъ и пошло, и пошло. Свелъ я дружбу съ другими горемычными подростками и стали мы стрѣлять да поворовывать. Къ двѣнадцати годамъ меня два раза по этапу пересылали, два раза уже въ тюрьмѣ сидѣлъ. Тамъ-то ужъ свелъ я знакомство съ настоящими артистами, научился у нихъ настоящей воровской работѣ. И потянулась такъ-то жизнь моя: голодъ, кража, пропойство да кутежи разные, да тюрьма. Восемнадцати лѣтъ попалъ я въ роты. Тутъ ужъ натерпѣлся всего, и розогъ, и побоевъ, и голода, и болѣзней.

Отбылъ срокъ, но не успѣлъ путемъ погулять на волѣ, опять попался, а теперь это уже въ третій. Ну, будетъ, значитъ, мнѣ этой жизни. Пора перемѣнить хотя на каторгу; захотѣлось всю свою арестантскую жизнь узнать. Ну, вотъ теперь поняли? Понравилось вамъ, баринъ? Любо?

— Да, подавленный разсказомъ, съ грустью сказалъ помощникъ инспектора. Да, я понялъ тебя. Жестоко обидѣла тебя судьба. Ты никогда не видѣлъ настоящей человѣческой жизни. Не было у тебя ни семьи, ни честныхъ товарищей; жизнь толкала тебя на одно зло. Мнѣ тебя искренно жаль... и онъ ласково положилъ свою тонкую, нѣжную руку на плечо злодѣя. — У тебя такая же душа, какъ и у меня, — продолжалъ онъ искренно, — мы съ тобой братья по Отцу нашему Богу милосердому; и въ тебѣ, повѣрь, лежитъ искра Божія. Вникни, голубчикъ, въ свою душу. Раздуй въ себѣ искру эту. Другая свѣтлая жизнь еще возможна для тебя... Попробуй!..

— Вы что же это, баринъ,—перебилъ его Блудищевъ свирѣпо,—смѣетесь, что-ли надо мною? Мало меня мучили — шутить вздумали еще, — продолжалъ онъ уже болѣе мягко и голосъ его дрогнулъ.

— Да, обманула тебя, братъ, темная, безпросвѣтная жизнь,—продолжалъ помощникъ инспектора еще сердечнѣе...

— Неужели-жъ вамъ и впрямь жалко меня, вора и злодѣя? — съ какимъ-то ревомъ вырвалось у Блудищева. Кажись съ роду меня не жалѣлъ никто. Съ рожденія не слыхалъ я слова ласковаго. Что-жъ это... Что-жъ это такое теперь будетъ? Видно ошибся я... Видно есть добрые люди на свѣтѣ. Есть добро на землѣ; есть Богъ на небѣ...

— Да, есть добрые люди, и на твоемъ пути можетъ были, да ты проглядѣлъ ихъ. Отъ души хо-

тѣлъ бы тебѣ помочь выдти на свѣтлую дорогу, — продолжалъ его собесѣдникъ. Но несчастный преступникъ уже не слушалъ его. Глухія рыданія душили его.

— О вѣрю, вижу теперь, что не такъ я повелъ жизнь свою, нѐ понялъ я темнымъ разумомъ правды истинной. Все на зло людямъ и себѣ творилъ. Каюсь, каюсь теперь въ грѣхахъ своихъ и преступленіяхъ, стыжусь ихъ, стыжусь всей жизни своей непотребной. Радъ наказанію, съ терпѣніемъ понесу его. Благодарю васъ, баринъ; на каторгѣ помнить буду... прощайте! Благодарю...

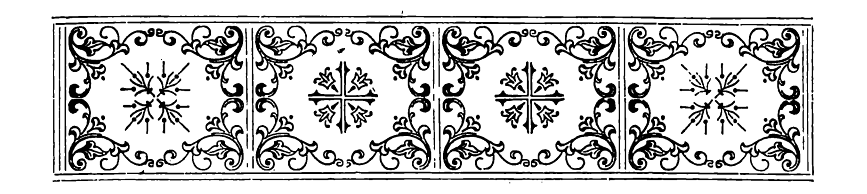
Помощникъ уѣхалъ. Они видѣлись еще раза два. Почтенный тюремный дѣятель подарилъ арестанту на память „книгу жизни“ — Евангеліе.

Новое дѣло Блудищева, ввиду его ясности, тянулось недолго. Приговорили его на четыре года каторги. Уходилъ онъ бодро. Раненый имъ надзиратель поправился и помирился съ нимъ. Въ душѣ бѣднаго каторжника пробудилось что-то новое, невѣдомое дотолѣ и загоралась надежда на лучшее въ жизни. Вѣдь ему было только 24 года. Въ день отправки, когда его съ товарищами, другими каторжниками, собрали въ партію и подвели къ воротамъ тюрьмы, онъ повернулъ голову и устремилъ долгій упорный взглядъ на стоявшаго въ дверяхъ зданія помощника инспектора.

Прощайте, благодарю, — говорилъ этотъ взглядъ. Въ отвѣтъ губы его начальника дрогнули и каторжникъ понялъ, что тотъ шепнулъ: пиши!

— И онъ писалъ длинныя безграмотныя письма своему бывшему начальнику. „Нерушимо помня ваше братолюбіе, какъ передъ Богомъ открываю вамъ мою грѣшную душу, добрый баринъ Александръ Семеновичъ“ — писалъ онъ и письма эти были полны потрясающей правды и все очищающаго раскаянія.

А. А—въ.

Кровать тетушки Муано.

Изъ „записокъ старой дѣвы“ Ренэ Базена.

Вдовы! Уже давно святой Іеронимъ сказалъ много хорошаго объ ихъ положеніи. Но все же недостаточно. Съ его позволенія, я продолжаю на ту-же тему. Онѣ безцѣнны въ дѣлахъ милосердія. Конечно, не всѣ! Я не говорю о тѣхъ великихъ вдовахъ, вѣчно занятыхъ воспоминаніями о немъ, для которыхъ воспоминанія только лишній шумъ, ни о тѣхъ, про которыхъ самъ старый отшельникъ говорилъ, что эти вдовы — не настоящія вдовы. Я хочу поговорить о другихъ, о тѣхъ, которыя примирились съ тѣмъ, что онѣ когда то были; не желаютъ помолодѣть, а уходятъ просто и прямо, проходятъ мимо чужихъ радостей не нарушая ихъ и не завидуя, и стремятся только къ чужому страданію, какъ къ новой любви, болѣе сильной, чѣмъ прежняя. Были ли онѣ счастливы? Былъ ли онъ имъ вѣренъ? Неизвѣстно. У нихъ память молчаливая. Можно только догадываться, что онѣ еще и теперь иногда живутъ въ прошломъ, но одинокія, ревниво только въ извѣстные часы, какъ сторожа носящіе потайную лампочку и ключъ, чтобы безъ свидѣтелей, только изрѣдка проникать въ таинственныя святилища.

Мнѣ приходилось часто сравнивать ихъ отношеніе къ дѣламъ общественнымъ и благотворительнымъ, ихъ манеру начинать дѣло, развивать и защищать его, съ пріемами, свойственными намъ, молодымъ или старымъ дѣвамъ. Мы лучше приспособлены для дѣйствія, у насъ болѣе порыва, болѣе счастливой опрометчивости, мы менѣе склонны измѣнять принятое направленіе и отступать. Рѣшимость въ дѣлѣ добра это свойство дѣвушекъ. Предложите имъ взять барикаду, ухаживать за прокаженнымъ, просвѣтить самую темную совѣсть, привлечь къ пожертвованію свѣтскую женщину, переубѣдить въ чемъ либо министра, похоронить тридцать лѣтъ своей жизни въ госпиталѣ,—все это онѣ сдѣлаютъ. Онѣ способны все выслушать, потому что онѣ всего не знаютъ и можетъ быть поэтому именно могутъ во всемъ утѣшить и все поднять и очистить. Нѣтъ такой грязной лужи человѣческой жизни, около которой вы бы ихъ не встрѣтили. Онѣ удерживаютъ своими слабыми руками, хотя міръ этого и не замѣчаетъ, цѣлыя арміи обездоленныхъ, всегда готовыхъ къ возмущенію.

Вдовы, тѣ менѣе рѣшительны въ своихъ пріемахъ. Онѣ болѣе жили и болѣе склонны сомнѣваться. Но онѣ добрыя совѣтницы, онѣ терпѣливы, всегда готовы посѣтить нуждающагося въ ихъ помощи, онѣ лучше умѣютъ проявить сочувствіе къ сердечному горю. Онѣ, хотя и не болѣе насъ, любятъ дѣтей, но у каждой изъ нихъ въ разговорѣ съ матерями есть слова, взгляды, и даже минуты молчанія, которые лучше находятъ путь къ ихъ сердцу. У матерей съ ними съ двухъ словъ все бываетъ понято и ничто не остается недосказаннымъ. Наконецъ, большая свобода, которой онѣ могутъ пользоваться, дѣлаетъ ихъ гостепріимными. И самыя бѣдныя вдовы въ такихъ случаяхъ особенно поражаютъ своимъ безкорыстіемъ.

Посмотрите на тетушку Муано.

Она вѣчно живетъ въ Парижѣ. Для нея кварталы безразличны, лишь бы могла она уплачивать за квартиру съ большимъ опозданіемъ. Она сейчасъ — жительница Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, такъ какъ послѣ пяти лѣтъ разныхъ попытокъ, обожданій и посѣщеній пристава ее уже болѣе не захотѣли держать въ Батиньолѣ. Она уплачиваетъ съ трудомъ, но ничего и не проситъ. У нея есть маленькій, крайне недостаточный, доходецъ, проценты со сбереженій, сдѣланныхъ ею, помимо г. Муано, увы, большого расточителя, когда они еще жили въ швейцарской въ башнѣ Святого Якова. Величайшее несчастіе не въ томъ, что приходится иногда поужинать салатомъ съ кускомъ хлѣба; не въ томъ, что человѣку стукнуло шестьдесятъ лѣтъ и у него ревматизмъ въ обѣихъ ногахъ и маленькое бѣльмо на правомъ глазу. Еслибъ вы встрѣтили минувшей зимою тетушку Муано, когда она выходила изъ дома, вы бы право приняли ее за особу „имѣющую средства“: двѣ густыя пряди волосъ гладко расчесанныя по сторонамъ лица, черные живые глаза, правый, правда, немного прикрытый вѣкою, довольно округлыя щеки и такая же грудь, короткая талія, черное платье безъ пятенъ, у горла черная блестящая брошь и митенки на рукахъ. Такъ направлялась она на рынокъ съ сѣткой для провизіи. Приходилось ей подъ часъ возвращаться и съ пустой сѣткой, когда овощи бывали слишкомъ дороги. Но увидавъ ее теперь, вы бы сказали, какъ говорятъ и ея сосѣди: „о, у госпожи Муано навѣрное горе!“ Было ли у нея горе? Ея больной глазъ разсказывалъ объ этомъ немного болѣе, чѣмъ другой, но они оба плакали тихо-тихо слезами, которыя сушилъ только уличный вѣтеръ. Госпожа Муано не помогала вѣтру своимъ платкомъ. Что ей было за дѣло, что увидятъ ея слезы?.. Все равно всѣ узнаютъ скоро,

что ея единственная дочь Жозефина покинула ее вотъ уже третій день. Дочь и ранѣе не отличалась поведеніемъ, а теперь и совсѣмъ погибла! „И отчего это не могла она перенести даже двадцати лѣтъ нужды, когда я несу ее болѣе шестидесяти?“

Отвѣта она не находила. И мысль эта не оставляла госпожу Муано до той минуты, когда она, при входѣ на рынокъ, невольно толкнула локтемъ женщину, стоявшую неподвижно, прислонившись къ стѣнѣ, на тротуарѣ.

— Извините, сударыня!

— О, это ничего — сударыня!

— Ахъ и вы плачете, вы тоже? Ужъ это видно день такой.

Тетушка Муано и не подозрѣвала, что она психологъ, а между тѣмъ изрядно понимала по этой части, и сразу поняла, что натолкнулась на дѣйствительную нищету и дѣйствительное горе.

— Вашъ-то, видно васъ бросилъ? спросила она.

— Нѣтъ, его болѣе нѣтъ на свѣтѣ.

— Такъ-же какъ и у меня моего покойнаго Муано. Что же они вамъ сдѣлали?

— Они меня выставили за дверь потому что я не платила.

— Это со мной случалось тоже.

— Такъ что у меня на все впереди только шесть су для меня и для маленькаго, котораго вы видите.

Жалкій уродецъ трехъ-четырехъ лѣтъ ползалъ тихо по асфальту.

— О, милый крошка, сказала тетушка Муано. Врядъ ли и скушать можетъ много!

— Немного, яблочекъ, милая госпожа, онъ это любитъ болѣе всего, но къ нимъ теперь и приступу нѣтъ.

— Вполнѣ вамъ вѣрю! Вы не мать ему?

— Нѣтъ, она умерла.

Тетушка Муано увидала, какъ худыя скулы женщины вытянулись и въ глазныхъ впадинахъ лица затрепетали покраснѣвшія вѣки.

— Если вамъ нужна только кровать, сказала она, то у меня есть моя, собственная. До послѣднихъ дней я спала на ней вдвоемъ съ моей дочерью; но она не вернется болѣе. Кровать широкая; вы тоже совсѣмъ не полны. Но куда намъ дѣвать маленькаго?

Трепетаніе вѣкъ пріостановилось. Въ измученной головѣ, гдѣ не было болѣе надежды, проглянулъ свѣтлый лучъ.

Женщина нагнулась, правая рука схватила малютку и подняла, чтобы показать.

— О! онъ право не болѣе кошечки, для него довольно было-бы ящика.

— Такой у меня найдется, найдется и шерсть, чтобы сдѣлать матрасикъ. А насчетъ одѣялъ, благодаря Бога, у меня ихъ достаточно. Работа у васъ есть?

— Больше работы, чѣмъ вознагражденія, милая госпожа. Я помогаю продавать торговкѣ овощами. Но я стара и мнѣ платятъ только пять франковъ въ недѣлю

— Пять франковъ, это во всякомъ случаѣ намъ поможетъ. Подождите меня.

Тетушка Муано поднялась на ступени рынка болѣе бодро, чѣмъ всегда. Вернулась она съ почти полной сѣткой. И обѣ женщины, взявъ за ручки малютку, направились къ улицѣ Бельшасъ. Тетушка Муано разсказывала, что она живетъ во второмъ этажѣ окнами на дворъ, что у нея одна комнатка, но, знаете, очень чистенькая, желѣзная кровать, три стула, столъ, жаровня для стряпни и комодъ; однимъ словомъ все, что нужно.

— А, я забыла васъ спросить, какъ васъ зовутъ? сказала тетушка Муано, когда дошли до дома, у самаго входа.

— Госпожа Марэ, вдова Марэ.

Уже болѣе года, какъ госпожа Муано и вдова Марэ жили вмѣстѣ и дѣлили комнату, и столъ, и кухонную печку, и кровать. Сосѣди привыкли считать ихъ за двухъ сестеръ, которыхъ связала нужда, воспитывающихъ ребенка — это слабое, тщедушное дитя, въ сущности все же счастливое тѣмъ, что у него оказалось двѣ бабушки. Госпожу Марэ сосѣдямъ мало приходилось видѣть, она была занята съ утра и до вечера у торговки овощами, но тетушку Муано намъ не только приходилось встрѣчать, какъ и прежде, и въ сѣняхъ, и на лѣстницѣ, и на улицахъ квартала, но и видѣть у себя. Ее просили, за ней посылали и у нея было большое знакомство, въ особенности среди молодыхъ матерей, которыя вѣрили въ ея опытность и знали, что при ея любезности и разговорчивости въ ея обществѣ время покажется и не слишкомъ короткимъ, и не слишкомъ длиннымъ. Она разогрѣвала у нихъ молоко для рожка, пеленала, распеленывала и укачивала младенца, давала матери разные рѣдкіе и полезные настои, вязала около родильницы, разсказывала ей всѣ подлинныя происшествія, извѣстныя въ дворницкихъ улицы Бельшасъ и Св. Доминика, а когда запасъ истощался, придумывала ихъ; или же, когда ей приходилось оставаться около опасно больной, хранила молчаніе и преданная, сострадательная была готова сидѣть тихо въ уголкѣ комнаты, какъ пламя ночника, смотрящее на уснувшую.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца ея ближайшая сосѣдка пришла сказать ей:

— Маленькая Грезиль изъ улицы Нано хочетъ васъ повидать; она очень больна. Все грудь попрежнему!

Маленькая Грезиль! Кому не приходилось посѣщать палатъ какого-либо изъ Парижскихъ госпиталей и останавливаться у бѣлой кровати, на которой покоится, съ головой, приподнятой подушкой, блѣдная, съ тонкими чертами, еще вѣрящая въ жизнь, но уже приговоренная къ смерти, молоденькая работница какой-либо модной или бѣлошвейной мастерской, тотъ не можетъ и представить себѣ, до чего была трогательна и даже очаровательна маленькая жена кровельщика. Ея не отправили въ больницу, она осталась въ своей комнаткѣ въ четвертомъ этажѣ. Немного въ безпорядкѣ теперь, комнатка была еще хорошенькой, благодаря новенькой мебели и занавѣскамъ съ цвѣтами. У нея были большіе каріе глазки, казавшіеся еще больше отъ болѣзни, полные ума, молодости и ласки. Ей хотѣлось оказать услугу для того только, чтобы увидать, какъ она ихъ прищуритъ, улыбнется и скажетъ: „Благодарю васъ, тетушка Муано!“ Когда тетушка Муано пришла, эти глазки плакали. Она пожурила больную, пошутила съ нею немного и оставалась долго, долго, но ей все же не удалось ободрить больную. Она сама наконецъ потеряла радостное настроеніе.

— Моя маленькая Грезиль — сказала она, такъ какъ вы такая грустная и думаете, что вы опасно больны, знаете, если-бъ я была на вашемъ мѣстѣ, я бы приняла тѣло Господне.

Блѣдная головка на подушкѣ слабо шелохнулась, чтобы сказать—нѣтъ!

— Я бы ничего такъ не желала, тетушка Муано, но здѣсь, въ этомъ домѣ, это невозможно. Здѣсь такіе дурные люди! Вы и представить себѣ не можете! Шесть мѣсяцевъ тому назадъ сюда приходилъ священникъ для такой-же больной, какъ и я, эти люди внизу такъ оскорбили его и даже побили, что онъ долженъ былъ уйти. Мы здѣсь не свободны, какъ видите.

— А вашъ мужъ желаетъ?

— О, конечно, бѣдняга!

Тетушка Муано на минуту задумалась.

— Въ такомъ случаѣ это можетъ быть можно устроить. Вы скажете тутъ, что вы уѣзжаете, чтобы полѣчиться въ лѣчебницѣ. Я пріѣду за вами въ экипажѣ—кто заплатитъ, я не знаю, но я найду,—а вы займете мое мѣсто на моей кровати на нѣсколько деньковъ. Госпожа Марэ не толста, она покойна; она не спитъ болѣе шести часовъ въ ночь. Я же посплю въ креслахъ. Моя крошка Грезиль, вамъ надо согласиться!

Такъ все и устроилось. Хозяйка мясной лавки заплатила извозчику. Госпожа Марэ похозяйничала „основательно“ и постлала на кровать двѣ лучшихъ простыни. Двое изъ жильцовъ дома, совершенно ей неизвѣстные, помогли госпожѣ Грезиль подняться на лѣстницу. Два дня она отдыхала. На третій, рано утромъ, когда пришелъ священникъ, онъ засталъ нѣсколько женщинъ, стоящихъ на колѣняхъ и большую старуху, которая стоя поддерживала голову больной. Около кровати, на столикѣ было поставлено маленькое гипсовое распятіе и пучекъ хризантемъ, присланныхъ торговкой овощами.

— Это дочь ваша? спросилъ онъ у тетушки Муано.

— Да, почти что дочь, отвѣтила она.

И это была правда, и для маленькой Грезиль, и для вдовы Марэ, и для ребенка, который спалъ тутъ-же въ ящикѣ съ шерстянымъ матрасомъ, и еще для многихъ конечно.

О, чудную хронику можно-бы собрать, описывая дѣла милосердія бѣдняковъ.